

Баянғали Алимжанов

СКАЗ СТОЛЕТНЕГО СТЕПНЯКА

16+

Баянғали Алимжанов
Сказ столетнего степняка

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Алимжанов Б. Т.

Сказ столетнего степняка / Б. Т. Алимжанов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Роман Баянгали Алимжанова - это сказ о жизни простого степняка Асанбая, драматизме его судьбы, тесно связанного с вековой историей казахского народа, борющегося за самосохранение и свободу. Затрагиваются проблемы межнациональных отношений - героями книги являются казахи, русские, немцы, украинцы, поляки, белорусы, таджики. Столетний старец завещает потомкам: **Никогда не унижать и не уничтожать людей!** Многозначительно и искренне гласит эпиграф романа: "История войны должна учить нас миру, история вражды - дружбе!". Ученые и читатели назвали "Сказ столетнего степняка" уникальным романом XXI века.

© Алимжанов Б. Т., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Бодан Белого царя	6
Аульная вольница	8
Ярость народная	15
Гражданская анархия	19
Линия истребления	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

*История войны должна учить нас миру,
история вражды – дружбе.*

Бодан Белого царя

Я зовусь Асанбай Бектемиров, сын Аманжола. Родился ровно в тысяча девятисотом году в степном крае Кенащи, что означает «горькое раздолье».

«Ровесник века!» – говорят про меня. Даже многие придают этому сакральное значение и относятся с трепетным уважением. Столетний самоходный старец, слегка опирающийся на крепкую березовую палку, да еще не сильно выживший из ума – все-таки редкость.

Однажды мы с внуками и правнуками посетили музей. Среди множества диковинных экспонатов особенно выделялись балбал тас – каменные изваяния. Эти странные старинные скульптуры особенно заинтересовали моих потомков, они стали внимательно их осматривать.

Вдруг один закричал:

– Ата! Дед! Смотри! Они похожи на тебя!

Вначале я засмеялся, но, присмотревшись, оторопел. Неожиданное сравнение ребенка потрясло меня. Изъеденные ветрами многих веков, обожженные жарким солнцем, пропитанные запахом полыни и ковыли, закаленные самим временем, балбалы выражали спокойствие и терпимость степи, скрывали тайны вечности. И мое дубленое, морщинистое, широкое лицо, на котором лежали отпечатки пережитого – крови и пота, ярости и милосердия, огня и ветра, – наверное, казалось юному поколению частицей древности.

Таким я был в семьдесят лет, таким же остался и в девяносто! Казалось, время застыло на моем лице.

А теперь исполняется сто лет! За это бурное двадцатое столетие произошло столько противоречивых, потрясающих и умопомрачительных событий, что и пересказать невозможно.

Я давно хотел рассказать людям о пережитом и увиденном, но только значимом. Да, именно значимом, ибо все, что ты увидел и пережил, не всегда имеет значение для других. Но приходилось долго молчать. Во-первых, во времена железного занавеса и стального порядка было что скрывать, а во-вторых, взяться за перо – дело не простое, порою даже неподвластное многим. Однажды один из моих отпрысков подсказал идею – простую и очень доступную.

– Рассказывайте свою историю нам, а мы в это время включим диктофон! – убеждал он меня с жаром. – А затем наберем сказанное на компьютере, по ходу подредактируем, приведем в систему, запишем на флэшку и распечатаем в нескольких экземплярах – вот ваша книга и готова!

– Ну, ты умница, прям как прадед! – засмеялся я.

Одни говорят, что человек становится с годами мудрее. Другие же считают, что старики глупеют с каждым днем.

Наверное, правы и те, и другие. Почему? Да потому, что с каждым днем старцы забывают все больше и больше, теряют свои знания. Проще говоря, скудеет их память, глупеют они потихоньку. Но с другой стороны, история и опыт жизни, отшлифованные временем, становятся настоящим алмазом!

Итак, долгими зимними вечерами, после сытного ужина из конины, начал я свои рассказы по порядку, стараясь сохранить хронологию событий. В первое время очень стеснялся диктофона, начинал кашлять, сбивался и повторялся. Но затем привык, и слова потекли свободно, а внуки, правнуки и праправнуки слушали мой сказ с раскрытыми от удивления ртами. Наверное, престарелый ата-дед, которого они считали почти святым духом – аруахом, предстал теперь перед ними в совсем ином свете. Но, кажется, они меня зауважали еще больше!

– Ата! Как вы остались живы вообще?! И дожили до ста лет в добром здравии и ясном сознании?! – удивленно восклицали милые потомки.

– Я сам удивляюсь этому! Наверное, Всевышний хотел, чтобы вы появились на свет. И закалил, провел живым-здоровым через огонь и воду безбожников!

Но были и моменты, когда они просто не понимали сути сказанного. Наша история, тесно связанная с политической жизнью общества, была для них незнакомой и загадочной. Кажется, что прошло-то всего несколько десятков лет, все так очевидно и понятно. Ан, нет, оказывается, для нового поколения это уже хорошо забытое, точнее, совсем неизвестное прошлое. И они перебивали меня расспросами, и я не сердился на них за это. Даже был приятен их интерес к событиям и духу моего времени. Поэтому, по ходу повествования, приходилось совершать краткие экскурсы в историю и делиться своими соображениями на счет тех или иных явлений.

Когда закончил свой рассказ, продлившийся целую долгую зиму, милые потомки постарались и напечатали его на компьютере. Они хотели приукрасить и придать ему художественный вид, но я категорический запретил.

– Лучше естественная дедовская речь, чем приукрашенная фальшивка! – сказал я им. – Правда прекрасна в любой форме! Принимайте ее такой, какая она есть! А кому не нравится, пусть не читает. Не обижусь. Буду только рад, если история столетнего степняка заинтересует людей и останется в памяти потомков!

Они еще больше обрадовались и напечатали мой сказ в первоизданном виде, лишь слегка подкорректировав, за что я был благодарен им и благословил.

Время, в которое мы жили, было удивительное и сложное. Наступил двадцатый век, цивилизация всю громыхала железными колесами, растапывая все доброе старое, аэропланы рассекали небо, корабли бороздили океан. В то же время мы, кочевники, добродушные дети природы, даже не подозревали об этом и жили примерно так, как жили наши предки в старину.

Аульная вольница нам нравилась больше всего на свете. Мы чувствовали себя свободными людьми и очень гордились этим.

– Да не свободны казахи! – глубоко вздыхал в своих песнях акын–бард. – Мы – бодан, подданные белого царя!

Степняки затаив дыхание слушали, цокали языком, теребили бороды. Некоторые утирали слезы.

– После Кенесары-хана и Наурызбай-батыра покинул нас непокорный дух кокборы – синегривого волка! – горестно покачивали головой аксакалы – белобородые старцы.

Нам было непонятно само слово бодан – подданные. Даже интересно было забавляться, произнося слово на разный лад. Откуда было детскому сознанию понять смысл этого понятия?

Позже, когда подрос, начал недоумевать: почему мы бодан, и кто нас делает бодан? Как может один народ быть бодан другого народа? Со временем начал понимать всю ужасающую суть, политический смысл бодан-подданства: быть подданными царя чужой империи, значит, не иметь своего государства, быть вечно зависимыми! То, что мы чувствовали себя свободными в степи, было свободой условной. Наша степь фактически стала колонией русской империи!

И это понимание, как осколок вражеского снаряда, глубоко изранив душу, терзало меня на протяжении почти всей своей столетней жизни.

Но в начале жизненного пути мы, дети природы, этого не понимали и оттого были по-своему счастливы.

Аульная вольница

Мы приходим из древнего казахского рода керей – ашамайлы, аксары, акымбет. Из нашего рода аксары-кереев вышел Марал ишан – святой, целитель, мусульманский религиозный деятель, духовный вдохновитель национально-освободительного движения Кенесары-хана и Наурызбай-батыра. В настоящее время мавзолеем Марал ишана в Кармакчи, на просторах Сырдарьи – место поклонения паломников. Люди приезжают сюда со всех концов света, ночуют и молятся Всевышнему, прося помощи. И тяжело больные чудом выздоравливают.

Происходит от аксары-кереев и святой, целитель Салык мулла. Сказывают в народе, что буйные сумасшедшие вмиг успокаивались, как только переступали порог дома муллы. И до сих пор, если кто-то, проезжая мимо его могилы на Кокшетаушине, не помолится, то с ним случается беда. Так один проезжал мимо на телеге, пьян был, громко смеялся и матерился, приехал домой, и у него рот искривился, язык отнялся! Мать быстро зарезала барана, поклонилась могиле святого, попросила прощения – и сын выздоровел!

К нашему роду относится так же величайший певец казахской степи, композитор, поэт Биржан-сал. Легенда гласит, что в тихую лунную ночь, когда пел Биржан-сал на возвышенности Беркутты – Орлиная, его голос был слышен в окрестных аулах и долетал аж за пятнадцать верст, до самой сопки Намазгул. А когда он брал самые высокие ноты и распевался во всю мощь своего божественного голоса, пролетающая в небе птица камнем падала вниз и лишь у самой земли успевала раскрывать крылья и опять взлетала ввысь вместе с дивной мелодией.

Нас было семеро: пятеро братьев и две сестры. Самый младший наш брат умер еще в колыбели. В самом начале двадцатого века какая-то непонятная эпидемия косила казахские аулы. Случалось, что за один день хоронили по нескольку детей из одной семьи! Мы тоже переболели, но чудом остались живы. Наверное, эта была корь или обычная краснуха. Но что поделаешь, тогда медицина царской России почти не доходила до степной глубинки, и дети были бессильны против заразы. В основном нас тогда спасала от многих болезней чистота крови, жесткий естественный отбор и природная закалка с самого рождения. Мы росли в довольно суровых условиях, питались натуральной пищей и были в постоянном движении. Спокойное величие степи сызмальства учило нас выдержке. И эта выдержка не раз спасала меня в бешеном водовороте событий.

Мы, аульные дети, любили степь и целыми днями бродили по окрестностям, играли в разные забавные игры. Иногда даже, подражая взрослым, охотились на сурков и барсуков. Летом мы жили в юртах на джайляу – летнем пастбище. Весной кочевали все вместе, весь род, аул. Нам, детям, было очень весело после зимних морозов и буранов резвиться в цветущей степи.

Я помню, как возле аула, на склоне холма, паслась наша стреноженная синяя кобыла. К ней был привязан маленький рыженький жеребенок. Отец с матерью ходили доить кобылу. Я не отставал от них. Для меня, шестилетнего, это было целое путешествие. Лето только начиналось, и степь расцветала. Порхали бабочки, прыгали кузнечики, висели в воздухе стрекозы... Я гонялся за ними, а они разлетались в разные стороны. Их песня, многоголосый хор степи звучит до сих пор в ушах. Пахло полынью и ковылем. Я вдыхал полной грудью аромат степного разнотравья и пьянел от радости. Жеребенок, отвязанный от кобылы, подходил ко мне. Я обнимал нежно его шею. Отец держал кобылу, а мать доила молоко в деревянное ведро. Запах саумала, свежего кобыльего молока, щекотал нос, будоражил кровь. Маленький аул лежал как на ладони. Высокое небо было чистым, редкие белые облака тихо плыли в дальние края. Солнце светило весело и грело нас своими добрыми лучами. Отец с матерью ласково смотрели на меня. И был я безмерно счастлив!

Эта картина из далекого детства, малюсенький кусочек долгой жизни, иногда всплывает из глубины памяти и стоит перед глазами, согревая душу. Тогда на мои старые глаза наворачи-

ваются слезы, и не могу понять толком, то ли от счастья, то ли от тоски. Безвозвратно ушедший миг жизни возвращается неожиданно и дарит теплый свет далекого счастливого детства, в то же время подвергая сладкому сожалению о навсегда прошедшем!

Меня иногда спрашивают любопытные ученые о самом раннем впечатлении, которое помню до сих пор. Наверное, им интересно, с какого возраста столетний степняк помнит свою жизнь? Ответ повергает их в шок! Я помню одно событие, а ведь тогда мне было два с половиной года! Правда, более подробно об этом рассказали потом родители. Бегал я тогда перед юртой, а старшие сидели на траве и слушали рассказы легендарного Курентай-батыра – богатыря, приехавшего в гости из соседнего аула. Тут прибежал наш большой черный баран. Он был очень сильным и бодливым, и даже старшие остерегались его. И я, побежав ему навстречу, споткнулся и упал прямо перед ним. Увидев человечка на четвереньках, баран принял это как вызов. И вот чудо – я помню этот момент – черный баран сначала понюхал мою голову, потом стал отступать, чтобы боднуть. Я громко заплакал, стоя перед ним. Баран замешкался. В это время раздались крики взрослых – отец и мать бежали ко мне. Вот это помню точно! А остальное потом много раз пересказывали родители. Оказывается, баран отпрянул, вспугнутый отчаянными криками, но в следующий миг опять приготовился к удару. И тут между мной и бараном первым оказался старый Курентай-батыр, которому было уже тогда восемьдесят пять лет. «Мы даже толком не поняли, как он успел!» – удивлялись потом родители. Когда мать, вся в слезах, только успела схватить меня, старый Курентай спокойно схватил одной рукой за рога бодливого барана и сильно дернул. Одним мощным рывком старец свернул ему шею, и отцу пришлось быстренько зарезать барана. Родители не только не сожалели, но были рады этому. «Курбандык – жертва!» – сказали они и угостили мясом весь аул. Все говорили, что Аллах сохранил мне жизнь, и благословили, предрекая долголетие.

Одно из самых ярких впечатлений детства – дружба со стригунками. Почти каждый аульный мальчонок, даже из бедной семьи, имел своего «боевого коня» – стригунка. А кто постарше, ездили на тай – годовалой лошади. Обученные, смирные, такие милые, они становились нашими верными друзьями и, как тогда казалось, навеки. Мы любили кататься верхом по широким раздольям, устраивали байге – скачки. Ветер свистел в ушах, земля, казалось, летела навстречу, а мы, покоряя пространство, срастались со своими стригунками, чувствовали себя единым целым, как кентавры!

Иногда, подражая взрослым, устраивали кокпар – конную спортивную игру, где группа всадников борется за тушу козла, стараясь вырвать ее из рук противника и ускакать. Только вместо козла делили высохшую шкуру. Это была потеха, не сравнимая ни с чем! Бывало, вцепившись в шкуру и не желая отдавать ее сопернику, не справлялись с более сильным старшим противником и соскальзывали со стригунка на траву! Детские голоса и веселый смех наполняли степь, оглашая весь мир, что здесь живут потомки кочевников – вольные дети великой степи!

Эта была самая счастливая пора нашей жизни.

На такыре – ровном месте – мы со своими сверстниками играли в сака. Сака, или большой асык, коленный сустав ноги коровы, была основной убойной силой этой старинной игры степняков. А костяшки из ноги коров и лошадей, по которым бьют сака, назывались дый. Цель игры состоит в том, чтобы, бросая свой сака, выбить альчики играющих. Тот, кому удастся это сделать, забирает себе выбитый дый. Кроме того, каждый участник игры должен иметь свой собственный сака и несколько дыев: по очереди каждый бросает сака в воздух и если сака падает и встанет ребром – алшы или тайкы, или встанет перпендикулярно – омпа, то хозяин получает право бить по дьям. А если сака падает на спину или ничком, то хозяин пропускает ход. Получивший право бить мальчик долго, аккуратно прицеливается и, виртуозно прокрутив сака вокруг своей оси, пускает его со всей силы в сторону дыев. Когда сака попадает точно по центру близко поставленных друг от друга дыев, несколько дыев разлетаются в разные сто-

роны. Атаковавший измеряет расстояние от линии до каждого улетевшего дыя ступнями. По предварительному уговору, если дый полетит на три или пять ступней, то бросавший считается выигравшим. А если нет, то он ставится опять на кон. Игра продолжается до тех пор, пока на кону остаются дыи. Игра очень подвижная, требующая смекалки и ловкости, скорости и выносливости, очень полезная для здоровья и физической подготовки детей. Когда игроки входили в азарт, то спорили по поводу и без, кричали до хрипоты и от радости успеха, и от досады. Интересно, но в тот момент и вправду казалось, что нет ничего важнее в мире, чем победа в этой игре! Какими мы были наивными и чистыми душой!

Уставшие от детских игрищ, мы любили молча посидеть на холме, предаваясь своим размышлениям. Как волны могучего океана качались ковыли, унося наши детские фантазии в неизведанные дали, а запах полыни щекотал нос. Этот аромат степи на всю жизнь остался в памяти, впитался в кровь и душу.

Меня тогда сильно, невероятно сильно тянуло к путешествиям и приключениям. Особенно это проявлялось на закате. Закат солнца в степи неповторим. Глядя на красный горизонт, смутно чувствуя величие и таинство мира, я вздыхал, не понимая причину своего томления.

Ночью мы любили смотреть на звездное небо. Звезды манили к себе. Особенно поражал воображение Млечный путь – Кус жолы – Птичий путь.

Казахи называют Большую медведицу Жетикаракшы, то есть Семь разбойников, Полярную звезду – Темирказык, Железный кол. А самые крайние две звезды на конце ковшика Малой медведицы – Ак боз ат – Белый конь, и Кок боз ат – Сивый конь. Мифология кочевников гласит, что семеро разбойников веками пытаются украсть этих коней, привязанных к Темирказык – Железному колу. И не могут, потому что Темирказык кружится вокруг своей оси, уводя коней от приближающихся к ним разбойников. Кружатся вечно Жетикаракшы-разбойники вокруг Темирказык. По древнему верованию, если семеро разбойников украдут коней, то случится катастрофа во Вселенной. Но люди верят, что незыблемый Темирказык – Полярная звезда – не позволит этого.

Ох, как мне хотелось улететь в небеса, блуждать до утра среди ярчайших звезд, прикоснуться к ним, погладить ладонью Темирказык и покататься на Ак боз ат и Кок боз ат!

Из уст в уста передавали наши предки свою историю – легенды и предания, притчи и мифы.

Иногда в наш глухой аул заезжали жыршы – сказители. Вечерами мы слушали их сказания о батырах – эпических героях. Загораживающие поэтические слова древности проникали в наши юные души, а певучие голоса степных рапсодов уносили вглубь веков. И мы, дети, буквально прилипали к сказителю, жадно проглатывая каждое его слово и музыку речи, пропитываясь силой аруахов – духов предков.

Сейчас думаю, что из уст в уста передавали наши предки свою историю. Легенды и предания, притчи и мифы – это некий энергетический сгусток времени. Запечатлевая эпоху в эпосе словом, народ сохранял свою историческую память, оберегал самобытность. Тогда мы этого не понимали, но чувствовали что-то таинственное, глубокое в древних сказаниях и песнях.

Из рассказов аксакалов – белобородых старцев и жыршы-сказителей – мы узнали, что казахи не всегда были боданы белого царя. У нас была своя славная, героическая древняя история, уходящая корнями в незапамятные глубины тысячелетий.

Мой отец Аманжол не был сказителем, но он знал наизусть много песен и легенд, которые вечерами рассказывал нам. Иногда он читал из книжек, напечатанных в Казани арабской вязью и хранимых в деревянном сундуке, казахские песни о батырах, притчи о пророках и мусульманских святых. От пожелтевших страниц тоненьких книжек веяло чем-то таинственным, старинным, непостижимым детскому разумению, но близким душе.

Отец рассказывал о миссионерах, о переводах Библии на казахский язык. Он разъяснял, что эти миссионеры, под видом просветителей и этнографов, преследовали далеко идущие

цели. Они старались распространять и насаждать религиозные предания и притчи христианства среди казахов, чтобы затем легче было их крестить! Передовые, грамотные деятели степи своевременно поняли подоплеку такой деятельности и начали издавать книги, пропагандирующие духовные ценности ислама. Сказители-жыршы начали создавать и сказывать дастаны – эпические поэмы о пророке Мухаммеде алейхиссалям, мусульманских и национальных героях. Это было протестом против религиозной экспансии, надежным духовным щитом национального самосознания.

Отец рассказывал нам, как наш прапрадед Бектемир был прозван в народе Шораяк – хромой Бектемир-батыр. Однажды в бою с джунгарами он был ранен в бедро вражеской стрелой. После ожесточенной битвы воины возвращались домой. А у Бектемир-батыра нога опухла и начала гноиться – наверное, началась гангрена. И тогда он сам себе отрубил ногу острой саблей и остался жив!

Наш дом в зимовке был построен из сосновых бревен – невысокие две половинки, разделенные большой печью, и сенек – сени. Он считался редкостью среди казахов в те времена, потому что большинство людей жили в основном в глиняных мазанках, а очень бедные даже в землянках. Потолок нашего уютного дома был выложен оструганными досками. Никто их не красил, и доски были вдоль и поперек расписаны естественными узорами – те места, где росли сучки, представлялись нашему взору загадочными картинками. Я долго рассматривал потолок родного дома, каждый раз по-новому представляя узоры из завитушек. То виделась мне сказочная крепость, а вот батыр-богатырь скачет, чтобы завоевать ее. То представлялся зверек, то птица–самрук, то девица прекрасная, идущая за водой. Или вдруг картинка превращалась в джалмауз – бабу-ягу и гналась за детьми чабана. Таким образом наш потолок развивал детскую фантазию. Сейчас, думаю, наше воображение было тогда для нас неким телевидением, интернетом, виртуальным миром.

Окна нашего дома были маленькими. Зимой, когда свирепствовали лютые морозы, мы, все братья и сестры, любили смотреть в окно. Мороз рисовал красивые узоры, мы продували в них дырочки и как в глазок глядели на заснеженную степь. В дни, когда бушевал буран – снежный ураган, нас, особенно меня и Салима, невозможно было оторвать от окна. Я буквально примерзал к окну и улетал вместе с метелью в дальние края! Вот так мы росли, глядя на большой мир через маленькое окошко родного дома!

Мать топила печь березовыми поленьями, и мы любили смотреть на пылающий огонь. Дрова трескали, огонь набирал силу, в доме становилось теплее. Когда огонь угасал, мать раскладывала красные, большие угли ровными рядами и ставила на них таба – чугунную круглую сковородку с тестом. Скоро выпечка была готова, и мы с шумом ели горячий таба нан – домашний хлеб с маслом. Хлеб был вкусным, корки хрустели на зубах, доставляя не сравненное ни с чем удовольствие. Мы благодарили родителей, и мать, счастливая, радостно смотрела на нас и тихо говорила: «Шукр, алла, тауба!» Отец умиротворенно подкручивал усы и попивал айран из деревянной аяк – миски.

Наша мать Батима была из рода аргын, караул. Иногда, развеселившись, она затягивала старинные песни.

Четыре стены дома были как четыре стороны света. Мы играли то в одной, то в другой стороне и каждый раз как будто заново открывали себе новый мир.

Я помню до сих пор, как в детстве с младшим братом Салимом ездили погостить к старшей сестре Мариям. Она с мужем и детьми жила возле горы Макпал, за аулом Кудукагаш – Колодец и дерево, на опушке соснового бора. В ауле было много баранов. Нас привозил туда из нашего аула, очень далекого, как тогда нам казалось, кто-нибудь из старших, и оставлял на несколько недель. Ну, эти сорок-пятьдесят километров для нас, детей, были действительно дальним путешествием. Тогда не было машин, техники. Преодолев этот дальний путь на конных санях, мы, степняки, всюду наслаждались дивной лесной природой!

Часто с племянниками уходили в лес, вооружившись топором, лопатой и палками. Чистый белый снег, как раскрытая книга, был полон узоров сложного письма – звериных и птичьих следов. Мы старались их прочесть и выследить кого-нибудь. В пылу азарта доходили до окраины поляны, останавливались посреди высоких сосен и, вдыхая морозную свежесть соснового бора, застывали в блаженстве. Лес дышал здоровьем и заряжал нас неповторимой энергетикой. Младший брат Салим, непоседа и озорник, все время норовивший разгрести снежные сугробы в поисках зверьков, тоже останавливался возле сломанного большого дерева. Я глядел на вершины деревьев, и, казалось, вечно молодые, зеленые кроны величественных сосен плывут вместе с белыми, густыми облаками. От тишины шумела в ушах кровь и кружилась голова, и так хотелось уплыть вместе с облаками в дальние, таинственные края. Но я понимал, что это невозможно, и мысленно просил облака передать привет народам, обитающим в далеких странах. Иногда нарушал тишину стук дятла по дереву: тук-тук! Мы прислушивались: не выдержав мороза, с треском ломался сук и падал шумно оземь.

Возвращались домой в сумерках, усталые, но довольные путешествием в лес, с раскрасневшимися от мороза лицами. Сестра Мариям кормила нас мясом и горячим бульоном. Наевшись, мы ложились поудобнее вокруг бабушки Алтын, свекрови сестры, и просили ее, чтобы она рассказала нам сказки. Бабушка Алтын была доброй, светлой женщиной. Она носила жаулык – сплошной головной убор из белой ткани, укрывающий ее голову, шею и плечи. Открытым оставалось только лицо. Глаза Алтын-апа наполнялись теплым светом, она увлеченно рассказывала древние сказки и сказания. При свете керосиновой лампы наши собственные тени в мазанке были похожими на что угодно, а в полутемных уголках как будто бродили тени сказочных персонажей. Много интересных сказок степи и востока рассказала нам Алтын-апа и я благодарен ей до сих пор. И когда вспоминаю старую сказочницу, снова чувствую себя тем маленьким десятилетним мальчиком, внимательно слушающим ее проникновенные рассказы. Иногда кажется, что самыми счастливыми мгновениями моей жизни были эти зимние вечера сказок в старой зимовке.

Одна притча врезалась в память на всю жизнь. Однажды к пророку Мухаммеду аллея-хиссалям обратился богатырь Хазрет Гали – Азрет Али. Он сказал, что чувствует себя настолько сильным, что смог бы поднять землю и прокрутить ее над головой как мячик, если бы Всевышний дал ему ручку от земли. Пророк многозначительно улыбнулся, но ничего не сказал. Азрет Али поехал дальше. И вот он едет в степи на своем скакуне Дульдуде и встречает белобородого старика. Поздоровался с ним. Аксакал вежливо ответил на его приветствие, положил свою маленькую суму на землю. Чуть поговорив с Али о том о сем, старик попросил силача подать ему суму, так как ему трудно нагибаться. Али, не слезая с коня, хотел кончиком кнута поднять суму. Но это ему не удалось! Удивленный Али нагнулся и мизинцем хотел поднять суму. Опять не смог! Раздосадованный герой схватил железной рукой поклажу старца и рванул, но сума даже не сдвинулась с места. Кровь ударила в голову Али, и он в ярости, со всей своей могучей силой начал тянуть эту злосчастную суму, опершись ногами в стремя. Да потянул он с такой силой, что боевой конь, легендарный Дульдудь, по колено вошел в землю! Но сума даже не сдвинулась с места. Тут аксакал подошел к Али, извинился за беспокойство, легким движением двух пальцев закинул суму на плечи и пошел своей дорогой!

Растерянный Али примчался к пророку и попросил разгадать эту таинственную историю. Пророк лучезарно улыбнулся и молвил:

– Ты же возгордился, посчитал себя сильным и думал, что сможешь повертеть землю над головой? Так вот Аллах дал тебе потрогать ручку земли, чтобы ты понял свою гордыню и покаялся!

Тут Азрет Али понял все...

Глубокий, многозначительный смысл этой притчи, как мне кажется, должен дойти до каждого землянина от мала до велика. Никому не дано брать за ручку земной шар и вертеть им

как захочется, то есть вершить судьбу планеты! Только Всевышний определяет судьбу Земли и Вселенной! А люди должны жить в мире и согласии в этом общем ковчеге человечества, бороздящем безграничный океан Космоса!

Было еще одно яркое впечатление – русские переселенцы. Говорят, вначале наши встретили их враждебно. Считали, что они враги, чужеземцы, и пришли отбирать наши земли. Отдельные отчаянные храбрецы вредили им как могли, а при удобном случае даже убивали их. В народе ходили легенды, что Курентай-батыр долго воевал с пришельцами, но наконец поняв, что невозможно остановить русское переселение в наш край, смирился с неизбежным.

Со временем все начали привыкать к новому соседству. Постепенно стали общаться, обмениваться бытовой утварью, перенимать опыт жизни друг у друга.

Наш отец Аманжол, ярый противник царской колонизации, ко всеобщему удивлению подружился с переселенцем Майдайкиным из поселения у озера Жокей – Джукей. Места здесь красивые, земли плодородные, раньше они принадлежали казахам. Но царские власти просто забрали эти земли. В те времена все красивые и плодородные земли прибирали к рукам русское казачество и переселенцы.

Майдайкин был огромным, крепким мужиком. Помню, ходил он вразвалочку неторопливыми большими шагами. Говорил громко и четко. Аульчане дали ему кличку Сары-орыс – Желтый русский. Удивительно, вроде все русские светлые, и всех можно было бы назвать желтыми, но Майдайкин был действительно самым ярким Сары-орыс – Желтым русским. У него не только кожа, но и волосы были золотистыми. Он привык к своей кликухе и даже обижался, когда при нем кто-то из казахов нечаянно обронял поговорку: Сары орыстын бари орыс – все русские желтые! То есть, давал понять, что здесь только он настоящий Сары-орыс! Моего отца Аманжола и Майдайкина казахи прозвали тамыром. Почему-то так повелось в народе, если казах дружит с русским, его называют тамыр. Тамыр означает, во-первых, корень, во-вторых, кровяной сосуд – вена, артерия. Думается мне, что этим многогранным словом подчеркивается важность казахско-русской дружбы, вот, мол, срослись корнями, стали кровными братьями. Ну, что бы там ни говорили, в случае с нашим «сары-орыс» в этом была доля правды.

Часто он бывал у нас. Отец тоже навещал его и каждый раз привозил какие-то диковинные вещи. Они просто обменивались.

Однажды он взял меня и Салима с собой. Для нас это было открытием целого нового мира! Мы увидели такие вещи, о существовании которых и не подозревали. Нас удивили вещи из железа – орудия труда. Соха-плуг так поразил нас, что мы пытались им пахать землю. Я стал конем, впрягался и старался сдвинуть с места тяжеленный плуг, а Салим ловко управлял! Но больше всего нас потрясло ружье Майдайкина.

Наш тамыр дал нам поддержать его. Мы с Салимом наперебой хватали ружье, держали в руках так и эдак, но не знали, что с ним делать. Я взял ружье за ствол и хотел помахать как соилом – боевой палкой, а Салим в свою очередь взялся за приклад и сделал несколько колющих движений, как с найза – копьем. Майдайкин засмеялся и показал, как и чем заряжается ружье, как прицеливаться и стрелять. Мы тогда толком не понимали, что такое огнестрельное оружие, но интуитивно чувствовали страшную силу, затаенную в гладком, холодном металле. Салим оказался проворнее, быстро смекнул, что к чему, и начал изображать стрельбу – палить от руки, не прицеливаясь, и громко, азартно произнося при этом «пух, пах, пух!» Отец любовался его ловкими движениями, а Сары-орыс, Желтый русский, крутил усы и качал головой. Да, это была первая встреча наивных степных детей с ружьем, и теперь я понимаю, почему так загрузил наш тамыр Майдайкин.

Нас пригласили к столу. Жена Майдайкина разливала чай из толстого блестящего самовара и угощала нас горячими пирожками с квашеной капустой. Мы с Салимом впервые ели пирожков, они были необыкновенно вкусными.

Отец беседовал со своим тамыром. Мы ничего не понимали, но помню, иногда они начинали спорить на повышенных тонах, и нам становилось не по себе. Уже потом, по дороге в аул, отец нам пересказывал суть разговора.

– Тамыр говорит: пойми ты наконец, Аманжол, меня правильно и раз и навсегда запомни – не от сладкой жизни русский мужик оторвался от родной земли и пришел в твои степи! Нас тоже закинули сюда силой! Да и еще показывает при этом пальцем вверх. Догадывайся, мол, кто!

– Кто!? – шумно спрашиваем мы с Салимом.

– Ясно, кто... Белый царь, их батюшка!

Отец только грустно хмыкнул. Мы тогда толком не понимали, зачем все эти споры и разговоры.

Отец рано начал учить нас читать и писать. Быстро, азартно я научился грамоте – арабские литеры излучали свет знания. Мне очень нравилось расшифровывать арабскую вязь, по буквам, по слогам складывать целое слово, затем предложение и вникать в их смысл. Повзрослев, я открыл для себя кириллицу – русскую письменность – и совершенно новый мир.

Ярость народная

В 1914 году началась Первая мировая война – Царская империя воевала с Кайзеровской Германией. Никто в ауле не понимал, что там происходит и что это за война. До нас доходили только слухи, которые разносила по степи с быстротой телеграфа устная народная почта узункулак – длинное ухо. Согласно слухам, русские воевали с немцами. Мы же вообще не знали, кто такие немцы, где они живут и что им нужно.

Помню, как остряки из нашего рода керей на все лады коверкали новое слово Германия: Кермания, Кереймания! Объясняли просто: гер-, как и кер – происходит от слова Керей, а ман – по-немецки человек. Кер-ман, Керейман, керей-человек – такое объяснение нравилось всем, и мы шутили, что керманцы на самом деле керейманцы, то есть происходят они от кереев! Тогда мы даже не подозревали, как тесно впоследствии сплетутся наши судьбы с Германией.

В июне 1916 года вся степь была потрясена указом Белого царя о мобилизации казахов в возрасте от девятнадцати до тридцати одного года на черновые работы на фронтах Первой мировой войны. Печально известный в истории Июньский указ стал настоящей трагедией для казахов. Народ не хотел отдавать своих детей на верную гибель и вспомнил клятву царя о том, что русская империя не будет брать казахов на воинскую службу. Даже попытались напомнить генерал-губернатору, что царь-самодержец собственноручно подписал и поставил свою высочайшую печать на клятве, написанную на собачьей шкуре. Но собачья шкура потерялась, Белый царь забыл свою клятву, и казахи восстали.

Где-то вычитал, что за время колонизации казахской степи царской Россией произошло около трехсот национально-освободительных восстаний, больших и малых. И одними из самых крупных были восстания 1916 года, когда в разных частях бескрайней степи вспыхивали огни национально-освободительных войн казахов против царского империализма. Некоторые исследователи-новаторы считают, что царская власть сама Указом спровоцировала восстание казахов, чтобы закрыть свои долги перед союзниками: «Вот, мол, у нас неполадки, бунт, война, а по договору при таких сложных политических ситуациях внутри страны, все долги данной страны списываются!» Эта версия, кажется, тоже может быть правдоподобной. Версия – версией, а фактически – степняки воевали против произвола царизма.

Но силы были совсем не равны. Царская империя, воюющая с кайзеровской Германией и испытывающая большие трудности на фронте, все равно находила силы для подавления восстания. Карательные отряды, оснащенные пушками, пулеметами и лучшим стрелковым оружием того времени – пятизарядной винтовкой бесатар – безжалостно расстреливали конницы восставших казахов, вооруженных в лучшем случае саблями, пиками и луками, а в большинстве своем – просто березовыми длинными боевыми палками – соилами. Много молодых джигитов-удальцов погибли от пуль и картечи карателей. Почти все восстания были жестоко подавлены за короткий срок, а многих народных вождей расстреливали и вешали без суда и следствия. Участников, попавших в плен, заточили в острога и после мучительных допросов казнили или отправляли в Сибирь. Но немало повстанцев, оставшихся в живых после военных столкновений, ушли за кордон в Китай. Были случаи, когда предводители некоторых родов ясно понимали, что найза – копье, и соил – боевая березовая палка против пушки и пулемета – гиблое дело, и уходили без боя и без жертв со всем своим родом. Вот теперь, спустя десятилетия возвращаются на свою родину, теперь уже новую страну, независимую республику Казахстан потомки ушедших поневоле на чужбину казахов. Их называют оралманы – возвратившиеся. Сколько испытаний выпало на долю этих людей, наших братьев!

Единственным неподавленным восстанием казахов было восстание жителей тургайской степи под предводительством Амангельды-батыра Иманова, ополченцы которого победоносно, со своим знаменем влились в ряды сначала Февральской, а затем Октябрьской революции и

активно участвовали в установлении Советской власти в степи. Но, в конце концов, кровожадные борцы бурного времени подлостью и обманом убили батыра Амангельды, его гибель окутана многослойной тайной. Поговаривают в народе, что и красным, и белым просто не нужен был герой-казах, свободный, непокорный, во главе многотысячной боеспособной армии! Ясно одно – батыр Амангельды является народным героем, а легенды и сказания ставят его образ в один ряд с самыми свободолюбивыми сыновьями степи.

Это уже история, и сейчас об этом можно спокойно размышлять, так и эдак оправдывая кровопролитие, а в то время было все не так просто. Мой отец Аманжол в самом начале восстания примкнул к отряду повстанцев и начал воевать за правое дело.

Однажды восставшие джигиты напали на одно маленькое поселение переселенцев. Мы со старшими братьями – двадцатилетним Алимжаном и девятнадцатилетним Мейрамбаем – тоже были в отряде. Но наше присутствие ничего не решало, да и оружия у нас не было. Мы присоединились к повстанцам из чистого любопытства и азарта. Сейчас, думаю, отец просто хотел, чтобы юнцы почувствовали войну и закалились.

Поселение было почти пустым, жильцы уехали подальше из этих опасных мест. Жилым оставался только один дом. Повстанцы с гиком пустили коней вскачь, устрашающе взмахивая саблями и пиками, вмиг окружили дом, застав хозяев врасплох. И тут джигиты вытащили из дома вместе с хозяином нашего тамыра Майдайкина! Вероятно, он вместе с семьей приехал сюда погостить.

Джигиты, опьяненные жаждой крови, решили быстро расправиться с жителями. Для них переселенцы были олицетворением всего зла, творимого царской властью. Всадники начали ломать деревянную ограду и колотить соилами по дому, разбивая окна и ломая крышу. Майдайкин, увидев нас, обрадовался было, но несколько всадников окружили его плотным кольцом и начали хлестать кнутом. Отец решительно заступился за своего тамыра и кричал на джигитов, требуя прекратить избиение. Но не все слушались его. Некоторые горячие головы собирались накинуть аркан – лассо на шею Сары орыс – Желтого русского и пустить коня вскачь. Майдайкин отбивался огромными ручищами и не давал жесткому аркану из конских волос затянуться на своей мускулистой шее. Но один ловкач ухитрился все-таки подобраться сзади и накинуть петлю. Майдайкин напряг всю свою богатырскую силу, не давая опрокинуть себя и стараясь разорвать смертельную удавку. Но аркан из конских волос не могут разорвать даже лошади, и Майдайкин начал задыхаться. Кровавая пена потекла изо рта. Его жена рыдала во весь голос, а двое взрослых сыновей молча смотрели, сверкая глазами в бессилии. И когда Майдайкин уже начал храпеть, теряя сознание, и медленно опускался на землю, блеснула сабля в руках нашего отца Аманжолы – он перерезал аркан. Отец решительно приставил острую саблю к горлу разгоряченного джигита и сказал:

– Не трогайте моего тамыра! Не он виноват во всем этом! Или мы уйдем отсюда с миром, или я убью вас!

Отец имел вес среди сородичей, и они послушались его. Удалось ему спасти всю семью Майдайкина и хозяев дома от неминуемой гибели.

Освобожденного Майдайкина обняли жена и дети, и он молча, взглядом, поблагодарил отца. Отец лишь грустно кивнул ему в ответ, и мы покинули поселение.

Суровая реальность остудила наш пыл. Вот она какая, война, и победа на войне! Оказалось, что побеждая, приходится кого-то бить, а то и убивать. Героизм, воспетый в эпических сказаниях и песнях, имеет и обратную сторону – трагедию, а торжество и слава победителя держится на плаче и крови побежденного!

Вскоре война разгорелась вовсю. Отец со своими джигитами решил уйти в Тургайские степи, чтобы присоединиться к армии Амангельды-батыра. Он велел всем нам, братьям, остаться в ауле и охранять род. Слово отца было законом для казахов, и мы беспрекословно исполнили его волю.

Совсем недавно довелось прочитать в одной исторической статье того времени о том, что вопрос восстаний и карательных операций в казахской степи рассматривался в Царской Думе. Депутаты с болью говорили о том, что в результате столкновений туземцев и переселенцев, карательных действий правительственных войск погибли десятки тысяч казахов и тысячи русских. Они напрямую обвиняли царскую власть в том, что она, издав незаконный указ и исполняя его бесчеловечными методами, допустила беспорядки и беззаконие в степи, приведшие к массовому кровопролитию в империи.

Конечно хорошо, что депутаты осудили эти бесчеловечные действия властей, но не уверен, что это как-то изменило ситуацию: в степи узункулак – длинное ухо вместе с ветром донес до каждого аула слова царского губернатора, который прямо заявил представителям казахов: «Вы вздумали восстать – так мы уничтожим вас всех, никого не оставим в живых – ни женщин, ни детей, ни стариков!»

И карательные отряды творили в степи чудовищные преступления, уничтожая невинных мирных жителей. Они рыскали по степи, как голодные волчьи стаи, в поисках казахских аулов. Местные казаки присоединялись к ним и указывали путь, так как хорошо знали местность. Они безжалостно карали всех, кого подозревали, без суда и следствия.

Наш второй старший брат Мейрамбай случайно попался им в руки. Он ехал в степи после свидания с невестой. Была глубокая осень, и свадьба должна была состояться весной следующего года. По пути домой Мейрамбай остановился у небольшого водоема – томара, чтобы напоить коня. Только он слез с лошади, как из камыша выскочили несколько вооруженных карателей и окружили его. Один сразу вырвал из его рук поводья и забрал коня. А остальные, хохоча, стали издеваться над девятнадцатилетним парнем, угрожая шашками и штыками, примкнутыми к винтовкам. Мейрамбай отступал от разящих острых клинков и оказался на краю невысокого обрыва. Но изверги продолжали его теснить, опрокинув в воду. Вода была достаточно глубокой, выше роста человека, и Мейрамбай нырнул с головой. Захлебываясь, он попытался выйти на берег. Но каратели преградили ему путь острыми штыками и держали в воде, наслаждаясь своей находчивостью и силой. Наш брат нащупал ногами дно и терпел это унижение. Наконец каратели уехали, захватив лошадь своей жертвы. Как только они скрылись из виду, Мейрамбай вышел из воды, выжал свою одежду и побежал в сторону аула. Но путь был далек, холодный осенний ветер насквозь пронизал молодое крепкое тело. Да, царские каратели знали свое дело. Изощренность этого злодеяния заключалась в том, что без единого выстрела, без малейшей царапинки жертва все же была обречена. Ледяная вода и осенняя прохлада делают свое страшное дело с пешим джигитом в мокрой одежде в открытом поле.

Мейрамбай добрался до родной юрты аж под утро. Весь посиневший от холода, теряя сознание, он только успел рассказать о злодействе карателей и проститься с нами. Тело его буквально горело, и он бредил.

Наш любимый брат Мейрамбай умер через несколько дней от воспаления легких. Весть о гибели Мейрамбая быстро облетела степь. Народ разделял наше горе, облегчая тяжесть утраты. Мне было тогда шестнадцать, а Салиму пятнадцать лет. Мы были так потрясены этой смертью, что боль утраты на всю жизнь осталась в сердце. Я впервые пережил потерю близкого человека в родном доме. Мать плакала навзрыд, ее плач разрывал душу. Мулла неустанно повторял салауат – ля иляха илля аллах – и это как-то успокаивало нас, смиряя с необратимостью судьбы. До сих пор, когда вспоминается то далекое событие, на мои старые глаза наворачиваются слезы и слышится плач моей матери Батимы.

Эта смерть еще более ожесточила нас, и мы стали с новой силой ненавидеть царских карателей и колонизаторов. Но силы были неравны – огнестрельные железные ружья, плод цивилизации, были направлены на усмирение и уничтожение нашего добродушного народа, детей природы.

Отец так и не вернулся. Ему было сорок пять лет. Оказывается, их отряд был разгромлен в кровавой, неравной битве с вооруженным до зубов карательным отрядом. До нас дошли слухи, что наш отец погиб в той бойне. Так и остался навеки лежать в степи со своими боевыми братьями. Через год приехал к нам в аул очевидец тех событий, хромой инвалид, чтобы сообщить о гибели отца. Прочитав аят из корана, он подробно рассказал о гибели степняков в той ужасной мясорубке. Глухим, подавленным голосом поведал он мне, как повстанцы, попавшие в засаду, самоотверженно сражались против пулеметов и пушек, заряженных картечью.

– Много ли ума и умения надо, чтобы расстреливать всадников, вооруженных в основном соилом – березовой палкой и найза – копьём? – вопрошал хромой, обращая свой взор куда-то вдаль. – Винтовки били залпами, пулеметы строчили, грохали пушки. И за короткое время бесстрашные кочевники, сотрясающие своими уран – боевыми кличами и топотом копыт разгоряченных тулпаров – скакунов всю степь, были уничтожены. Почти все полегли, обняв навеки полынь и ковыль родной степи. Лишь некоторым отчаянным, везучим удальцам удалось добраться до стрелков и ударом соила разmozжить головы противника. Я летел рядом с твоим отцом Аманжолом и видел, как на полном скаку высоко он поднял копьё и успел бросить его в пушкаря. Но тот успел выстрелить. Копьё Аманжолы вонзилось ему в горло, а картечь буквально срезала твоего отца как травинку. Меня тяжело ранило в бедро, я упал с коня и потерял сознание. Как видишь, выжил все-таки.

Эта картина запечатлелась в памяти, всю жизнь я представляю себе отца, отчаянно скачущего, истекая кровью, на русскую пушку с высоко поднятым острым копьём.

– Да, горжусь своим отцом! – говорил с болью Салим. – Но не буду вот так открыто, прямо, хоть и героически, бросаться с пикой на пушку! Я буду гибким, хитрым воином! Лучше обойду эту пушку, зайду с тыла и перебью всех пушкарей или пальну по ней с еще большего орудия!

Салим сдержал свое слово. Он стал опытным, хитрым, закаленным в огне воином.

После подавления восстания, нашего старшего брата, двадцатилетнего Алимжана, забрали-таки на фронт. Мы получили от него два письма, потом связь прервалась, и от брата больше не было ни весточки! Вскоре в России произошли такие события, что властям было не до нашего брата. Мы надеялись и надеемся до сих пор, что он остался жив, попал в водоворот событий и выплыл на какой-нибудь берег – свой или чужой. Лишь бы жив был наш любимый брат! Дома перечитывали много раз его письма, написанные красивой арабской вязью, и старались понять, в какой переплет попал Алимжан. Судя по его письмам, дела на фронте были неважные.

Алимжан писал, что у них все хорошо, живы, здоровы, да только не отдают им павших лошадей. Русские солдаты не ели конину и убитых животных наспех закапывали или просто оставляли на радость падальщикам. Но никому в голову не приходило отдать их казахским тыловым рабочим! Решили бы проблему питания. Но господа офицеры не утруждали себя заботой о каких-то кочевниках.

Несколько лет назад прочитал статью о жизни черновых рабочих на фронтах Первой мировой войны. Оказывается, к рабочим применялся тюремный режим, их вели на работу под конвоем, при малейшей провинности наказывали. Вспоминая доброго брата Алимжана, бесследно исчезнувшего на полях кровопролитной войны, сочувствовал ему.

Гражданская анархия

В начале семнадцатого года грянул гром: Свергли царя Николая!

Степь всполошилась – казалось, мир перевернулся! Эта была Февральская буржуазная революция 1917 года, в результате которой была установлена власть Временного правительства, суть которой стала понятна потом, спустя годы: установилось в стране конституционное правление.

Февральская революция остановила карательные действия в степи. Карательные отряды, собиравшиеся учинить кровавую расправу, готовившиеся нанести последний решающий удар по безоружным казахским аулам и плохо вооруженным повстанческим отрядам, остановились в растерянности. Огромная империя была обезглавлена.

Мы толком не успели ничего понять, как обрушилась вторая громовая весть: произошла Октябрьская революция, свергнувшая Временное правительство и установившая диктатуру пролетариата!

Степь опять забурилась. Появились первые буреветники революции, предвестники больших перемен и тяжелейших бедствий. Горлопаны и краснобаи разглагольствовали: пришла пора разрушить до основания старый мир и построить новый, справедливый мир! Мы, казахская беднота, предводимая российским и всемирным пролетариатом, во главе с великим вождем товарищем Лениным, должны уничтожить и изгнать баев и всех угнетателей трудового народа и самим взять власть в свои руки! Правда, пока дело не дошло до активных действий, только разделилась степь на множество противоборствующих лагерей.

Представители национальной партии казахов – алашордынцы пытались указать народу свой путь.

– Мы, казахи, единое целое! Нас и так мало, чтобы разделяться на бедных-богатых и уничтожать друг друга! Все казахи братья, один род, один народ!

Алашордынцы стали предвестниками национального возрождения казахов.

Это сейчас, почти сто лет спустя, осмысливаем, систематизируем события того смутного времени. Но когда жили в гуще событий, никакой четкой системы и понимания происходящего не было. Был кавардак, хаос, беспорядок. Голод, холод, бойня. Русская революция перевернула и нашу спокойную степь, бросив все живое в кровавый майдан – поле сражений гражданской войны, превратив родовую, братскую жизнь мирных казахов в сплошной кошмар. Шатающимся по степи агрессорам явно нравилась гражданская анархия – лихие и ничего не боящиеся, они коварно атаковали наши аулы. Разрывались снаряды, строчили пулеметы, свистели стальные шашки над степью, и смерть косила наш народ без разбора. Все понятия о добре и зле потеряли смысл, судьбы тысяч, миллионов людей перемешались. Страх и ужас, неверие в будущее царили в душе каждого из нас. Никто ничего толком не понимал – кто враг, кто друг, куда идти, с кем идти? Пока мы разбирались в этой новой жизни, нас агитировали разные авантюристы, монархисты и анархисты, социалисты и совдеповцы. Все сыпали красивыми словами, интересными идеями о свободе, равенстве и братстве, завораживая светлым будущим, где не будет царей и богачей. Но ближе всех, понятнее и роднее были свои националисты-казахи, которые призывали к национальному единству, свободе и автономии.

Власти менялись в степи, как калейдоскоп – не успевали установить одну, приходила другая. Царскую власть заменило временное буржуазное правительство, затем совдепы, алашордынцы, белые, колчаковцы, анненковцы, красные – народ совсем запутался и не знал, кому верить и с кем идти.

Салим воодушевленно поддерживал идеи Алашорды.

– Каждому народу – своя автономия! Это же здорово! Ленин дает свободу угнетенным народам российской империи, и мы должны этим воспользоваться, чтобы создать свое государство!

Эта идея нравилась многим. Мы верили и надеялись. Но и сомнения нередко овладевали нами. Я тоже часто задавал вопрос самому себе, степи, небу, ветру – как нам быть? После мучительных раздумий нашелся вроде верный ответ – будь вместе со своим народом! Береги свой народ, борись за его свободу и счастье! Но как быть, если родной народ раскололся на части – одни примкнули к белым, другие к красным, а третьи к националистам – алашордынцам. Причем, это было не просто идейное разногласие, а вооруженная борьба, братоубийственная бойня. И как можно стрелять в брата-казаха за счастье другого брата-казаха?! Голова раскалывалась, душа раздиралась, но четкого ответа так и не нашел – ни тогда, ни сейчас! Разум отказывался понимать, душа не принимала этот раздор – для меня все казахи были братьями, единым целым. Но лицемерные, коварные политики не позволяли нам оставаться едиными братьями, сея раздор. Все, что мог сделать лично – никогда не стрелял в казаха, будь он белым, красным, богатым или бедным.

В то время отдаленная от центра местность, где мы обосновались, называлась Койтас–овцекамень. Природные валуны, ростом с баранов, иногда даже с верблюдов, наполовину зарытые глубоко в землю, были настоящим чудом природы. В чистом поле, в ровной, как гладь моря, безбрежной степи вдруг возникают эти чудесные койтасы – овцекамни, и тянутся до самого горизонта. Каждый камень имеет свою, отличную от других форму, созданную природой и отточенную ветром времени. Откуда они – упали с небес или выросли из-под земли? На это никто не может ответить до сих пор.

Мы перекочевали сюда, спасаясь от карателей, и остались жить. Койтасы послужили кочевникам в смутное время укрытием, крепостью. Целые аулы могли спрятаться там и от белых, и от красных.

А прятаться было от чего. Не было в то время никакого порядка или закона в степи. При встрече с белыми или красными, часто все зависело от их настроения. Если командир вооруженного отряда был не в духе, мог сорваться, запросто вырезать, сжечь, уничтожить весь аул. Без суда и следствия, безо всякой моральной ответственности делали все, что хотели. А в хорошем расположении духа забирали, что нужно, и уходили. Таково было время.

Старейшина нашего аула, аксакал – седобородый Малай ата был мудрецом. Ему было семьдесят лет, и он казался нам незыблемым столпом степной нравственности, олицетворением святой древности и оплотом рода. Густая, белая как снег борода доставала аж до пояса! Когда он заходил в юрту, становилось светлее и теплее, и мы чувствовали сильнейшую энергетику, исходящую от этого незаурядного человека. Когда он степенно шел, самал – легкий ветерок играл с его бородой, и мы застывали на месте, завороженные этим величественным зрелищем. Нам он казался святым аруахом – духом предков. Он и был аруахом – духом нашего рода, хотя был обычным человеком, из плоти и крови. До сих пор видится мне Малай ата, шагающий по степи. Я счастливо вздыхаю, чувствуя прилив сил, как в далеком прошлом.

Он был справедливым и мудрым, знал множество легенд и хорошо разбирался в политике, самоотверженно боролся за сохранение нашего рода.

– Какая разница, какого цвета захватчик? Белый или красный, желтый или зеленый – все равно захватчик есть захватчик! – говорил он. – Так вот, придут белые – встречаем в белой юрте, за белым дастарханом. Накормим, напоим, что просят – все отдадим! Да ведь и дураку ясно, не отдашь по доброй воле – заберут насильно, а то и пристрелят, чтобы не скулил. За ними потянутся красные – тоже так поступим. Спросят, с кем вы, киваем – с вами! Скажешь – ах, какой двуличный человек! Только дурак бывает честен с врагом! А для чего буду лгать, вертеться? Чтобы спасти аул от кровавой расправы! Чтобы сохранить род! Хотя в этом роду полно и дураков, которые пошли на поводу у чужаков, и по их приказу вырубают свои корни!

Я слушал его раскрыв рот, внимал каждому слову.

– Неужели ты и вправду думаешь, что бородатые вожди-чужаки болеют за наш народ больше, чем свои родные белобородые аксакалы?! Скажи честно, ты веришь в эту власть ино-родного сброда?!

Слова аксакала задевали за живое и я решительно качал головой: нет!

– Ты будь честен и предан только Всевышнему и своему народу! А с политиками и чужими будь поосторожнее. Ты не обязан быть честным и искренним с нечестивцами и подлецами! А врагов вообще надо обманывать всегда, если хочешь выжить в такое жестокое время! – учил меня жизни Малай ата.

Откровения аксакала заставляли меня по-новому взглянуть на происходящие глобальные перемены в стране.

– Это не наш путь! И не наша война! Наш народ пошел по чужому пути, принял чужую войну и начал истреблять друг друга! И жить-то стали по чужим законам! Боюсь, что это так просто не пройдет и нас ждет много потрясений!

Время показало правоту мудреца. Чего только не пережили наши аулы, наш народ. У нас не было достаточно оружия, кроме двух старых охотничьих ружей и горстки патронов. Да хоть и вооруженные, что мы могли бы сделать с обученными отрядами Белой и Красной армий?!

Волею судьбы я остался за старшего в семье. Мне было восемнадцать лет, и, как все молодые, я рвался в гущу событий, хотел бороться за справедливый, новый мир вместе с алашордынцами с оружием в руках. Но надо было исполнить наказ отца – охранять аул, заботиться о матери и сохранить род. В ауле было двенадцать юрт и человек семьдесят, в основном женщины, дети, молодежь и несколько пожилых мужчин. Многие ушли на войну. Груз ответственности заставил быстро возмужать и остепениться. Как мог, придерживал и Салима от опрометчивых поступков. Он был только на один год младше, но чувствуя, что за все отвечает старший брат, вел себя иногда безрассудно. Отчаянный сорвиголова рвался в ряды алашордынского полка. До поры до времени мне удавалось его удерживать в доме, но в восемнадцатом году, когда ему исполнилось семнадцать лет, он все-таки ушел в ряды своих единомышленников бороться за свободу и равенство казахов. Вернулся он домой почти через год, на побывку. А через несколько дней нагрянули гости.

Два отряда, красиво, цепочкой, заехали с двух сторон в аул. Шестеро красных и шестеро белых. Красными мы называли советских, а беляками – по привычке всех, кто был против власти рабочих и крестьян.

Встретили мы гостей и с радостью, и с тревогой. Дело в том, что во главе каждого отряда стояли наши братья. Акимжан и Каримжан – доводились нам троюродными братьями, которых мы давно не видели. Соскучившись, они решили навестить родных в мирном ауле, а заодно и себя показать, а если получится, перетянуть всех родственников на свою сторону. Наши деды были родными братьями. В отличие от меня, Бектемирова, носящего имя прапрадеда, они носили фамилию Абжанов и Абишев, так звали их дедов. Но история распорядилась так, что троюродные братья оказались по разную сторону баррикады и стали врагами.

Мне пришлось приложить все свое дипломатическое умение, чтобы усадить воинственно настроенных вооруженных гостей за одним столом. На самое почетное место – торь – претендентов было двое. Мне пришлось усадить их рядом, причем таким образом, чтобы оба заняли центральное место. А бойцы расположились по обе стороны стола возле своих предводителей. Оба новоиспеченных спесивых «генерала» довольно заулыбались, но напряжение сохранялось. Чем меньше начальник, тем выше его гонор. И братья, служившие чужим властям, добившись маленьких чинов, находящиеся всегда под давлением вышестоящих начальников, здесь, в ауле, почувствовав себя важными персонами, распрямили спины. Они даже не скрывали этого, чинно показывая всем своим видом превосходство над бедными сородичами.

Мы сидели смирно, не смея шелохнуться. Напряжение было такое, что мне было слышно биение своего сердца. Был один очень щепетильный момент, когда подали табак – деревянное блюдо с мясом. Все напряглись еще больше. Вопрос был в том, кому достанется голова барана. По древнему обычаю кочевников, голова подается самому почетному гостю – главе рода, свату, старшему по возрасту. И тот, кто разделявает голову, считается главным по жизни. Но это в мирное время. А как быть с военными, враждующими меж собой, готовыми при первом же подозрительном движении противника открыть пальбу?! Получается, если подам голову красному комиссару, то все решат, что желаю им победы и власти. А если ублажу белых, то автоматически перейду в разряд врагов красных. Лучше дать бы каждому по голове! Но ни в коем случае обычай казахов не позволяет подавать две головы в одном блюде. Вот такой переплет!

Я принял единственно верное решение. Голову барана предложил Акимжану, который был на два года старше Каримжана. Уважение к старшим – неопровержимый закон степи, и никто открыто не смел оспаривать первенство, данное всевышним. Беляки-казахи посветлили челом, посчитав это за добрый знак, за большее к себе уважение. Красные молча переглянулись, выразив взглядом, что еще видно будет, кто и чью голову будет разделявать.

Красные и белые, шестеро на шестеро, при оружии, сидели за столом и ели из одного блюда жирную баранину вперемежку с копченой кониной и запивали все кумысом. Все были одеты в военную форму. С каждой стороны присутствовали трое казаха и трое русских. Два брата – Акимжан и Каримжан, каждый во главе своего отряда, сидели рядом и мирно уплетали копченые казы-карта и свежую баранину.

– Где Салим? Что-то не видно нашего баловня? – вдруг ласково спросил Каримжан.

Вопрос вполне естественный, но я немного замялся. Дело в том, что алашордынец Салим был против их всех. Перед приездом красно-белых братьев я его отправил подальше от аула, чтобы вспыльчивый удалец не натворил бед.

– Да он... сами понимаете, молодость – огонь, вихрь... Охотится, наверное, за красной лисицей в степи!

Что меня заставило сказать про лисицу, да и еще красную, сам не понимаю. Сказал бы просто – с девушками встречается, и баста!

– Почему-то все хотят поохотиться на красных! – попытался пошутить Акимжан.

– Да только сами потом покраснеют! – не растерялся с ответом Каримжан.

– Знаем мы ваших! Сколько красных побелело в степи – никому не известно! – резко отрезал Акимжан, и в его голосе прозвучали железные нотки.

Всем было понятно, что они имели в виду. Каримжан намекал на пролитую ими кровь белых, а Акимжан напоминал ему, сколько красных полегло от пули беляков и окуталось белым саваном или, хуже того, осталось лежать в степи без могилы и их кости белеют в лунную ночь.

Момент был напряженный, но выручил малый из отряда красных. Видать, он недавно примкнул к ним, потому что был больше похож на аульного увальня, чем на вышколенного рядового Красной Армии.

– Вот, готов! Давайте начнем! – воскликнул он, показывая всем чисто объединенный жилик – среднюю берцовую кость лошади.

Бить жилик – азартная состязание северных казахов. Обычно бьют его кулаком, обмотанным полотенцем, о бок топора, положенного плашмя на землю. Но мастера любят обострить состязание, и бьют голой рукой только по одному разу за круг, причем без тыкыл – предварительного постукивания кости для определения по звуку слабого места. Тогда задача усложняется, и, бывало, кость ходила по кругу целенькой по несколько раз.

При виде жилика джигиты встрепнулись, расправили плечи и приготовились к состязанию. Увалень-красноармеец положил топор плашмя на землю и пустил кость по кругу. Казахи начали состязание, нанося один за другим точные, выверенные удары по кости. Кость оказалась

крепкой, да и джигиты вначале били не во всю силу, боясь повредить руку. И тут, не выдержав, один из беляков-русских тоже вступил в состязание.

– А нам можно? – громко спросил он. – Что-то долго возитесь с костяшкой!

– Конечно! – загалдели красно-белые казахи дружно. На миг даже все забыли, что они враги.

– Давай, Костя, покажи кости! – завопил косоглазый рыжий беляк, уверенный в мощи своего соратника.

Белый обладал богатырским сложением – просто громила! Он засучил рукава, протер ладони, сжал огромный правый кулачище и со всего размаху звезданул по кости. Жилик ударился о бок топора, послышался хруст. Мы подумали – все, сломал парень жилик. Но в следующий миг он ахнул, заматерился, хватаясь левой рукой за правую. Жилик лежал целенький, а рука громилы была сломана. Видать, не рассчитал точку удара, полагаясь на свою дикую силу. Что поделаешь, перетянули ему руку тряпьем, дали выпить пиалу водки и велели терпеть.

Наконец жилик сломал увалень из аула точным ударом. Красные возликовали, белые пригорюнились. Я быстро включился в разговор, превратив все в шутку, мол, ваша голова, а у них – жилик. Это было справедливо, и казахи одобрительно загудели.

Равновесие было достигнуто, и противники, подняв пиалы, произнесли дружественный тост.

– Выпьем за то, чтобы вы покраснели! – пошутили красные.

Это означало: пусть прольется ваша кровь.

– За то, чтобы вы побелели! – отплатили белые.

То есть, пусть ваши кости белеют на солнце.

Какие времена, такие и пожелания!

Все захохотали и дружно выпили. И я выпил с ними. Выпивка всегда сближала людей, как-то сглаживала шероховатости в отношениях, и для нас напоить наших неожиданных гостей имело прямо-таки жизненно важное значение – в душе мы надеялись, что русские – и красные, и белые – не будут просто так стрелять в тех, с кем выпили. И в это время случилось то, чего я больше всего боялся. Дверь распахнулась, и вошел Салим.

Он тихо поздоровался с гостями и сел рядом со мной, по-казахски поджав ноги, в позе Лотоса. В руках он держал камчу – кнут, казахскую нагайку. Рукоять искусно вырезана из тобылгы – иволги, длина которой была равна локтю хозяина без учета кисти рук. Сам кнут был шестиполосный, то есть сплетен из шести полос выделанной кожи вола, длина которых превышала длину рукояти ровно на один хват ладони. Степные мастера говорили, что при таком размере, удар обладателя камчи будет самым оптимальным. К тому же воинственный Салим велел вплести в кончик камчи кусок свинца, овальной, как пуля, формы. Он мог одним точным, молниеносным ударом по локтю или коленке заставить врага выть от боли, вылететь из седла и кататься по земле. А то мог и убить одним ударом по виску или по темени, по почке или по печени. Несведущие не знали, какое смертоносное оружие носит с собой наивный с виду аульный балагур.

Держать камчу в руках во время дебатов на суде биев – судей-ораторов считалось нормой, и когда человеку было что сказать, он поднимал камчу или бросал в круг, прося слова. Во время словесных баталий ораторов камча была неизменным атрибутом степной демократии, этикета кочевников. А для Салима была еще и смертельным оружием.

После обмена любезностями между братьями начался разговор, которого я так боялся и избегал как мог. Первым начал Салим. Он говорил резко и отрывисто.

– Скажите мне, – обратился он к братьям. – Вот вы воюете за что?

– Мы хотим восстановить монархию, навести порядок в Российской империи и в степи! – ответил белый Акимжан.

– Мы пришли освободить братьев-бедняков от ига баев – богачей и болыс – волостных правителей! – говорил красный Каримжан.

– Вы оба заблуждаетесь! Мы прошли монархию и не хотим обратно в рабство! – отрезал Салим. – И с красными нам не по пути! Потому что власть советов не дает нам национальной независимости! А цель нашей Алашорды именно свобода нашего народа!

– Бред! Пустая фантазия! – воскликнул возмущенно Акимжан.

– Политическая ситуация не позволит казахам жить отдельно от России! Центр не допустит создания государства Алашорды! – более сдержанно сказал Каримжан.

– А мы просить никого не собираемся! – завелся пуще прежнего Салим. – Мы кровью и потом будем добиваться своей цели!

– А сил у вас хватит? Откуда такая спесь у тебя, братишка? Посмотри по сторонам, оцени ситуацию, взвесь все за и против! Подумай, прежде чем хвататься за оружие! – уже более спокойно сказал Акимжан.

– Вот все беды нашего народа из-за таких, как вы! – не унимался молодой Салим. – Если бы объединились, стали бы единым каменным кулаком – добились бы свободы!

– Ой, нет, братишка айналайын! – Каримжан начал грамотно излагать свою позицию. – Даже в том случае, если вся степь, все казахи объединятся, мы не добьемся независимости военным путем! Единственно верный путь к светлому будущему – путь социализма! И мы, казахская беднота, вместе с русским рабочим классом, в союзе с крестьянством, под предводительством великого вождя всемирного пролетариата Ленина будем бороться за свое счастье!

– Беднота, говоришь? А как быть богатым, знатным казахам? Ты что, хочешь их всех закопать? – возразил Акимжан.

– Кто не с нами – тот против нас! – отрезал Каримжан.

– Вот ваша беда! – махнул своим кнутом Салим. – Это вы разделили наш народ на богатых и бедных и допустили братоубийственную войну! А мы, алашордынцы, за национальное единство и братство всех казахов, независимо от происхождения и состояния!

Разговор начал перерастать в ссору, но тут включился мудрый Малай ата.

– Эй, сабыр, сабыр – спокойствие! – произнес тихо аксакал. – Хорошо, вы встретились в родном ауле! Иначе перебили бы друг друга где-то в степи, а, бауырлар – братья?! И чего бы добились? Может, вы думаете, что совершаете благое дело. Но суть в другом. Империи нужно было разделить нацию, стравить брата на брата. Вот им на руку идея классовый борьбы! Это не наш путь! Не наш выбор! Нам ее навязали извне, сверху. Навязали насильно, политической хитростью, изощренным коварством и жестокостью. К сожалению, мы вошли в этот адский круговорот и не можем выйти оттуда. Так, хотя бы оставайтесь людьми, насколько это возможно и никогда, ни в коем случае не стреляйте в братьев своих!

Все умолкли в глубокой задумчивости – жестокая правда жизни давила на них, и в то же время мудрые слова, кажется, дошли до каждого.

Тогда я кипел от негодования. Был недоволен братьями и про себя обвинял их. А теперь... Лежат они рядом, в родовом кладбище аула Булакбасы, что означает исток родника. Начало жизни и конец жизни. Мирно покоятся на клочке земли буйные братья, которые не смогли ужитья на этом свете из-за идеологических, политических разногласий, привнесенных царскими и коммунистическими колонизаторами. Но теперь их не осуждаю. Даже не смею этого делать. Сегодня многие псевдоисторики и популисты разных мастей, невежды и одноплушарные мыслители, психопаты и истерики с кровавой пеной у рта обсуждают и осуждают прошлое. А если подумать серьезно, особенно сложной и противоречивой была история казахского народа в первой половине двадцатого века, когда все смешалось в кровавой бойне. И моим землякам тогда было от силы тридцать, а то и двадцать с небольшим лет. Ведь зеленые юнцы, а тут такое навалилось на их неокрепшие спины и не вполне созревшие умы. На их месте волей-неволей можно было натворить всякого.

Отец нашего троюродного старшего брата Акимжана был состоятельным человеком. И поддерживал царскую власть. Акимжан воевал на стороне белых, и в двадцатом году погиб в бою на родной земле.

Второй троюродный старший брат Каримжан был предан идеям большевиков о равенстве и братстве людей. Он остался круглой сиротой в раннем детстве – родителей разом скосила брюшная эпидемия, точное название которой никто в ауле толком не знал. Каримжан с детства испытал на своей шкуре все тяготы бедности. Тяжелейшие условия жизни не сломили, а закаляли его характер – он вырос жилистым, крепким джигитом со стальными нервами. Стойкость и твердость убеждений, выработанные с детства, острота ума и языка выдвинули его в самые первые ряды революционной власти, которую он встретил с воодушевлением.

К чести Каримжана, он был не слепым фанатиком коммунистических идей, и в отличие от недалеких простаков, вдумчиво подходил к решению того или иного непростого вопроса. Он обосновывал свои действия не только постулатами марксистско-ленинской философии, но и реалиями степной жизни, народной мудростью. Простой народ видел в нем честного и справедливого партийца, достойного представителя советской власти, устанавливающего новый порядок, и многие ходили к нему за советом и помощью, откровенно говорили о проблемах новой жизни. И Каримжан старался всегда вникать в суть дела и принимал почти всегда верное решение. К сожалению, в двадцать третьем году недобитые классовые враги застрелили его ночью, когда он сидел у окна своего дома и писал доклад. Кровавые реалии того времени не щадили никого.

А в тот день в родном ауле, как оказалось, в день последней нашей встречи, братья спорили до хрипоты, не нашли общего языка и каждый остался при своем мнении. Да, это сейчас понимаем, что разные идеи имеют право на существование, а тогда, в революционное, воинственное время люди, настроенные по-боевому, терпеть не могли инакомыслия. Фанатики были готовы убить или погибнуть за идею.

Но в тот вечер братья мирно разошлись каждый в свою сторону – Каримжан к красным, Акимжан к белым и Салим к алашордынцам, чтобы защищать свои идеи с оружием в руках, а если доведется, убить или погибнуть за нее. А я остался дома, чтобы исполнить завет отца, защищать родной аул, отчий дом и заботиться о матери. И когда три брата ушли в три разные стороны, мое сердце разорвалось на три части, и горькая слеза покатилась из глаз.

Однажды, году в двадцатом, я сидел на холме за аулом и присматривал за скотом. Красный закат умиротворял душу. Я любовался им долго, не моргая глядя в мягкий, теплый отблеск огромного солнечного шара, предаваясь сладко-горестным размышлениям о вечности и миге.

Вдруг из-за холма появился конный отряд. Это были беляки, офицеры царской армии. Впереди на высоком белоснежном коне ехал дородный капитан в военном мундире. Офицеры, один статнее другого, окружали его. Солнечный свет играл на их красно-сине-белых мундирах, особенно на золотистых эполетах и орденах, и они сверкали необычайно красиво на фоне ковыльной степи. Скакуны, изрядно исхудавшие от нескончаемых походов, все же смотрелись неплохо. Оружие – винтовки и шашки в добротных ножнах – были изящны и олицетворяли холодное совершенство металла.

Нет слов, красива форма и оружие имперской армии. А как прекрасны господа офицеры-дворяне в парадных мундирах, на боевых конях! Какой благородный облик! Лично у меня рука не поднялась бы стрелять в них!

Говорят, красота спасет мир.

Но эта красота разрушала, уничтожала его.

Сейчас же, на старости лет, думаю, что мир спасет не красота, а доброта! Доброта создателя, доброта людей! А красота способствует пробуждению в душах людских чувства доброты! Посмотрите, как красиво создан боевой самолет! А ракеты? Как красиво летят они высоко в небе над землей, над океаном! Но они несут смерть! Ну, кажется, немного увлекся, задавая

вечные как мир вопросы, чего не следует делать, если хочешь жить спокойно и счастливо. Словоблудие в облачении псевдомудрости угнетает, высасывая из человека жизненные соки. Такое мудрое изречение: «Век живи – век учись!», наверное, как раз про меня! Видать, поэтому я еще не выжил из ума!

Итак, отряд прекрасных воинов красиво вошел в наш аул.

Их было всего шестеро, но для нас они были большой силой. Мы встретили незваных гостей по-доброму. Но вооруженному отряду беляков не очень-то нужна была наша доброжелательность, и они вели себя хоть и спокойно, но властно, по-хозяйски.

Мы быстренько зарезали жирного барана, приготовили мясо и стали угощать непрощенных грозных гостей чем могли. Малай ата, подмигнув мне, достал из сундука пару бутылей самогона. Под руководством моей матери Батимы женщины нашего рода накрыли богатый дастархан – стол. Горячие баурсаки – оладьи, куймак – блины, каймак – сметана, курт – сушеный творог, айран – ряженка, кумыс – кобылье молоко, масло сливочное, творог, красный и белый – все лучшие казахские угощения оказались на столе. Голодным офицерам особо понравились горячие баурсаки со сметаной, и они, довольные, похвалили наших хозяек. Мы облегченно вздохнули.

Вскоре подали мясо – свежую баранину, и воины, изможденные долгим походом и недоеданием, взялись за дело всерьез. Когда все поели досыта и изрядно выпили, красавец-капитан попросил спеть степную песню. Просьба гостя – закон для степняка, а просьба вооруженных гостей тем более. Но среди нас певунов не оказалось, и Малай ата, погладив белую в пояс бороду заскорузлой рукой, затянул старинную песню «Елим-ай!» – «О, страна моя!». Эта песня родилась во времена джунгарских нашествий, в годину великого бедствия «Актабан шубырынды, Алкаколь сулама», всенародной трагедии, когда многие казахи погибли после внезапного нападения полчищ джунгаров, а выжившие вынуждены были спасаться бегством. Пел Малай ата, соблюдая ритм, тихим трогательным голосом, четко выговаривая каждое слово. Он пел о жестоком времени, о потерянном счастье и мире, повторяя проникновенно: «Елим-ай, елим-ай!» – «О, страна моя! О, народ мой!». Русские, кажется, почувствовали трагизм песни. Когда Малай ата закончил песню, они покачали головами, молча переглянулись. И тут неожиданно капитан затянул песню. Он начал тихо, растягивая слова под грустную мелодию. До сих пор помню, эта была песня о родном очаге, о семейном уюте и счастье. Певец постепенно распевался во всю ширь и высоту своего чудного голоса, стараясь донести всю щемящую боль, сокрытую в песне.

Да, прекрасный был голос, хоть и вражеский.

Чужая, но чудная песня тронула нас, да и слова были проникновенными. Я тогда впервые подумал, что русские тоже страдают, тоскуют по родному дому! А то мне казалось, что они всю жизнь бродят по чужбинам с ружьем, уничтожая и унижая местный народ. Но тогда зачем они здесь? Почему рыскают по нашим степям, сея ужас и смерть? Все-таки они не по своей воле покинули дома? Тогда что двигает ими, кто играет судьбами? Эта мысль отвлекла на миг от застоля, и я очнулся, когда капитан закончил свою песню.

Беляки зааплодировали, выпили за здоровье капитана-певуна, прокричав несколько раз «Гип-гип, ура!». Развеселившийся, хмельной капитан вдруг спросил у меня:

– А разве нет в ауле девушек, способных спеть вместе с нами? Или вы, хитрецы, спрятали их всех, а?!

Отвертеться было невозможно, оставить без ответа – опасно. И мы были вынуждены пригласить Халилю.

Младшая сестра Халиля была красавицей. Когда она заходила в юрту, казалось, вокруг становилось светлее. Юная, цветущая девушка виртуозно играла на домбре и соловьем заливалась, когда пела. Ее голос завораживал слушателей, а одухотворенное лицо очаровывало неземным светом. В моменты вдохновения Халиля играла на домбре пальцами ног.

В тот злополучный день мы пожелали, чтобы Халилия спела песни нашим непрошеным опасным гостям. Подчинились «просьбе» гостей, но, с другой стороны, хотелось показать царским офицерам – их благородию – нашу культуру, мы надеялись, что наши песни тронут их сердца, и они будут благосклонны к нашему роду.

Халилия сыграла несколько кюев – степных симфоний. Офицеры были в восторге. Она спела несколько песен, и в самом конце спела песню-реквием «Темиртас» нашего предка Биржан-сала. До сих пор помню ее голос и лицо, одухотворенное и прекрасное.

Капитан и Халилия начали петь поочередно, как бы соревнуясь; спел наша сестра одну казахскую песню, офицер отвечает ей русской песней.

Лица господ офицеров просветлели, в глазах заиграли добрые искорки. Они хором затянули такие песни, о существовании которых мы и не подозревали. На миг даже забыли о нашем смутном времени, о том, что поющие офицеры – наши враги, готовые в любой момент перестрелять весь аул.

Когда вдохновенная Халилия сыграла на домбре мелодию только что услышанной русской песни, офицеры закричали «браво!» во весь голос и выпили за ее здоровье и талант. Особенно радовался красавец-капитан. Я заметил, как он смотрел на Халилию.

Песня – вестник любви. От любви рождается песня, но и песня может пробудить любовь.

Я переглянулся с Малай ата и понял, какую оплошность мы допустили. Надо было прятать свою красавицу от непрошенных вооруженных гостей! Раньше так и делали, а в этот раз что-то нашло на нас. Кажется, мы были наказаны за наше желание похвастаться перед иноземцами!

Отряд внезапно уехал ранним утром, не простившись ни с кем. Они забрали много еды, все, что им нужно было. Забрали они и младшую сестру Халилию!

Аул был в растерянности. Мать рыдала, обняв меня. Я, стиснув зубы, старался успокоить ее.

И тут в аул приехал Салим! Увидев его, я заволновался. Мать зарыдала пуще прежнего. Малай ата вкратце рассказал ему о случившемся. Салим вспыхнул, глаза загорелись гневным огнем.

Малай ата не смог нас отговорить от погони, только напутствовал не вступать в бой и решить вопрос переговорами.

– Не берите с собой оружия, это бесполезно! Поговорите по-человечески, пристыдите, если получится! Только совесть и справедливость может помочь вам!

По дороге Салим рассказал, что он приехал в аул, чтобы навестить мать и родных. Там, в алашордынском полку, пока все тихо, и он отпросился у своих командиров. Из рассказа Салима я понял, что дела у алашордынцев тоже не важны. И красные, и белые относились к ним с недоверием, временами даже враждебно. У алашордынцев военной силы было мало, испытывали острую нехватку оружия и боеприпасов. Свою винтовку Салим оставил боевому другу, так как у того вовсе не было ружья.

– Винтовка у меня – во! В бою нескольких беляков уничтожил из нее! Даже офицера-казаха убил!

Я закричал на брата:

– Как ты посмел стрелять в своих!?

Салим посмотрел на меня удивленно.

– Он не свой! Он белый офицер!

– Какой белый, какой красный? Он казах, наш брат!

– А по мне он был враг! У него в руках был револьвер, и он стрелял в меня! И если бы я не убил его, то он убил бы меня! Ты этого хочешь?

На это мне нечего было ответить. Эта философия навязана нам абсолютно чужой властью – царской тиранией и диктатурой пролетариата. Чужой путь, чужая революция привела к тому, что казахи начали уничтожать друг друга.

– Все казахи – братья! – тихо прошептал я сокрушенно. – У нас одна кровь, и это важнее цвета флагов! Не важно, красный или белый, богатый или бедный, какого рода или края, казах для казаха – всегда есть брат!

Воинственный Салим притих и сильно загрустил.

– Казахи редко убивали друг друга даже во времена межродовых стычек. В междоусобицах они в основном применяли соил и старались не бить по голове противника. Удары приходились по коленям, по щиколотке и предплечью. Этого было достаточно, чтобы противник слетал с коня.

Салим был истый казах и не возражал старшему брату. Он всегда неукоснительно соблюдал неписанный нравственный кодекс кочевников.

– Да, понимаю тебя, – смягчил я тон. – Время такое. Брат пошел на брата с оружием. Но нельзя же все валить на время. Нас ведь и так мало, и мы не должны стрелять друг в друга!

– Ты прав, Асанбай! – примирительным тоном произнес Салим. – Но не все зависит от нас!

Я промолчал, осознавая и его правоту.

Салим был феноменальным стрелком от природы – колмерген – верная, меткая рука. Он просто вскидывал винтовку или револьвер и, не целясь, попадал в ухо убегающей лисицы. Причем мог стрелять в любую сторону, не глядя, а его пуля, направленная верной рукой, как будто сама находила цель. Он был немного ниже среднего роста, сухой, жилистый и ужасно стремительный. Несмотря на маленький рост и легкий вес, обладал недюжинной силой. Его самым выдающимся качеством, после меткости, была, наверное, ловкость. На полном скаку вытворял такие трюки на коне, что им любовались даже враги. Его философия воина была страшной, но прагматичной. Он всегда говорил в духе своего кровавого времени, внося свои коррективы. «Кто не с нами, тот против нас. А врага надо уничтожать, иначе он уничтожит тебя. Надо всегда стрелять первым! Война есть война!» Он отлично ориентировался днем по солнцу, а ночью по звездам в степи, был мастером маскировки. «Если заблудился в степи ночью, доверься всегда интуиции и своему коню. Отпусти поводья, дай волю лошади, и она приведет тебя куда нужно. А самая верная звезда Темирказык – Полярная звезда, всегда указывает путь строго на север!»

Салим был предан идеям Алашорды и был бескомпромиссным максималистом.

Мы догнали отряд белых через день, утром, на берегу степной реки Силети. Капитан встретил нас довольно дружелюбно.

– Ты прости нас! – сказал он твердо. – Такова жизнь!

Я попытался объяснить ему, что они попрали нашу честь, осквернили законы гостеприимства, перешагнули через наш дастархан. Нигде в мире нет обычая делать гадости людям, принявшим тебя с хлебом-солью. Но белый офицер был невозмутим.

– Послушай! Мы не какой-нибудь сброд, банда. Мы офицеры Белого царя, и взяли от его подданных то, что нам необходимо! – чеканил каждое слово он. – Поэтому, возьми за свою сестру вознаграждение, по-вашему калым, и расстанемся с миром!

Только теперь я понял, что мы по молодости, в состоянии нервного возбуждения опрометчиво пустились в погоню. Думали, что сможем пристыдить их и вернуть сестру. Холодный блеск винтовок и лязг стальных сабель быстро отрезвили меня.

Он положил передо мной револьвер.

– Это, наверное, самый лучший калым в наше смутное время! – сказал он. – Патронов больше дать не могу, сами понимаете, в степи нет склада!

Я почувствовал, как кровь ударила в голову, и готов был растерзать капитана. Удерживало только численное превосходство и огнестрельное оружие.

– Значит, вы можете вот так запросто забирать и насиловать наших сестер?

– Нет, не так! Нравится мне твоя сестра, очень нравится. Боюсь, что влюбился в нее! И она меня, кажется, тоже любит!

Это было неожиданное заявление, и я растерялся.

Салим включился вовремя. Он незаметно ткнул меня в бок, и стал рассматривать револьвер. При этом он цокал языком и таращил глаза подобно вождю племени семинолов, обменивающего золото на оружие у бледнолицых. На своем ломаном русском он начал расспрашивать офицера об устройстве револьвера. Тот обрадовался наивности Салима и начал охотно объяснять ему азы обращения с шестизарядным револьвером системы наган – алтыатар и пятизарядной винтовкой – бесатар. Тому этого и нужно было, и Салим, превратившись из грозного мстителя в послушного юнца, внимал каждому слову офицера. Беляки, напряженно следившие за нами, наконец, расслабились и даже начали смеяться наивным вопросам простодушного степняка Салима о возможностях железной трубки – ствола и свинцового кумалака – бараньего помета – пули. Особый интерес вызвал его вопрос о том, сколько врагов можно нанизать на одну пулю и влияет ли на это толщина целей? То есть, кого легче прострелить насквозь – толстяка или худяка, богача или бедняка? Сначала офицеры захохотали, но затем начали жарко спорить. А действительно, скольких можно пристрелить одним выстрелом?!

Все шестеро беляков собрались возле Салима и начали, подтрунивая, объяснять хитрости стрелкового дела. Салим поддакивал им, одно за другим осматривая и примеряя их оружие.

Я попросил капитана дать мне поговорить с сестрой. Иного выхода не было.

Его благородие указал рукой в сторону реки.

Халилия встретила меня среди кустарника на берегу. Я не поверил своим глазам – она изменилась до неузнаваемости. От ее обаяния и следа не осталось.

Она категорически отказалась ехать обратно в аул.

– Оставьте меня с ним, или убейте! Как я, опозоренная, могу теперь показаться людям!

Она зарыдала, закрыв лицо руками. Обняв ее, я старался успокоить, говорил искренние братские слова.

И в это время прогремели выстрелы. Я даже не успел сообразить, что к чему, а выстрелы молниеносно следовали друг за другом. Когда наконец-то оглянулся, пятеро беляков лежали на земле. Они были убиты наповал меткими выстрелами верной руки Салима. В обеих руках он держал по револьверу, направленные на капитана. Тот стоял неподвижно ни живой, ни мертвый.

Мы с сестрой подбежали к ним. Салим был страшно бледен, скрипел зубами и сверлил налитыми кровью глазами офицера.

Халилия зарыдала.

– Это не честно! – проговорил капитан.

– А что, по-твоему, честно? – взорвался Салим. – То, что вы пришли в нашу страну, в наш дом с оружием? Вырезали целые роды, насильовали наших женщин, выжигали аулы, честно и справедливо, по-вашему, а? Так отвечай, собака!

– За такие слова мы вызывали на дуэль и стрелялись за свою честь! Но откуда вам, дикарям, понять этого? Наверное, у вас нет даже понятия чести?!

Салим резко приставил к голове капитана оба револьвера. Тот умолк, стал еще бледнее, но держался достойно. Я замер в ожидании выстрела. Но тут Халилия с душераздирающим криком бросилась к Салиму.

– Стой! Остановись, брат! Или убей меня вместе с ним!

Мы обомлели от ее слов.

– Что, объятие царского офицера дороже родного очага?! – диким голосом закричал Салим.

– Нет! Но у меня нет выбора! Либо стану его женой, либо...

Салим не дал ей договорить. Он закричал в ярости:

– Заткнись! Как ты смеешь говорить такое! Я не позволю чужеродцу забрать тебя!

Салим силой оттолкнул ее, и Халилия, отлетев на несколько метров, упала и застыла. Она рыдала, обнимая землю. Я не выдержал и направился было к ней, чтобы утешить, но слова Салима остановили меня.

– Ну, что же, ваше поганое благородие... Будем стреляться?

Салим злобно посмотрел на офицера и бросил ему револьвер. Тот налету схватил за рукоятку револьвер твердой рукой.

Салим повернулся и начал отчитывать шаги. Халилия вскочила и бросилась за ним, слезно умоляя остановиться.

– Зачем проливать кровь? Подставлять себя под пули? Лучше отпусти нас с миром, Салим!

Салим, не оборачиваясь, шагал дальше, продолжая громко считать. Сестра, всхлипывая, упала опять и осталась лежать на земле ничком. Отсчитав тридцать шагов, брат остановился и повернулся к нам. Офицер был уже готов к стрельбе.

– Махни шашкой! – крикнул мне Салим.

Я хотел что-то сказать, попытаться остановить брата, но по его виду понял, что ничего изменить нельзя.

Не по своей воле став секундантом, занял позицию между стрелками. Офицер, судя по стойке и выдержке, был хорошим дуэлянтом. А Салим никогда не участвовал в дуэлях.

Противники приготовились.

Я махнул офицерской шашкой.

Прозвучал выстрел.

Один выстрел.

Сначала я посмотрел в сторону брата. Он спокойно стоял на месте, держа револьвер на весу. Повернувшись в другую сторону, увидел капитана, лежащего на ковыльной земле. Когда мы подошли ближе, увидели, что его голова прострелена насквозь.

Халилия лежала неподвижно. Она была без сознания.

Мы наспех уложили тела беляков в кучу и кое-как присыпали их землей. Забрали все оружие – шесть винтовок и семь револьверов с патронами, шашки, кинжалы, все походные предметы, конские сбруи и прочие вещи.

С трудом нам удалось привести в чувства сестренку. Посадили ее на лошадь и тихо двинулись. Она не сопротивлялась, только всю дорогу тихо напевала грустные мелодии.

Вскоре наступила ночь, и мы остановились на ночлег. Перекусив остатками пищи в коржунах – кожаных сумках, мы крепко заснули.

Вдруг ночную тишину пререзал громкий выстрел. Мы вскочили и приготовились к обороне. И тут я еще раз убедился, что Салим настоящий степной волк. Пока я шарился в поисках винтовки, он уже лежал готовый к стрельбе. Но никакого врага не было видно и мы успокоились немного и стали искать сестру.

Халилия была мертва.

Да, она застрелилась, и до сих пор не нахожу объяснения ее поступку. Почему? Зачем она это сделала? То ли не выдержала ее юная, чистая душа насилия жестокого времени? Или решила смыть позор своей кровью? А может... Этого ответа я боялся. А может, она полюбила этого офицера, врага нашего народа? И не могла жить без него? Нет, нет, не может быть этого! Она же знает, что он уничтожал и унижал ее соплеменников! Не могла она полюбить его!

Или все же могла?

Весь наш род, вся округа оплакивала юную Халилию. Особенно тяжело переживала это горе наша мать. До сих пор звучит в моих ушах ее плач. Похоронив сестру, еще долгое время не могли прийти в себя. Половину трофейного оружия забрал с собой Салим для своих боевых друзей, а остальным мы вооружили пожилых мужчин и самых старших юнцов.

Это беспокойное время вынуждало Салима играть в жестокие и коварные игры, и воинственный, хитроумный брат вступал то в героическую схватку, то в сомнительный союз. Он не мог спокойно сидеть дома недельку-другую. Водоворот событий неумолимо втягивал его, а он даже не старался избежать столкновений, как, например, я, а наоборот, сам рвался в гущу кровавых событий. Он был одним из лучших стрелков казахского кавалерийского полка Алашорды. Вольный, гордый потомок кочевников – номадов терпеть не мог чьей бы то ни было власти над собой. Я сильно беспокоился за него, и как мог остерегал, а он только усмехался и отвечал:

– Берегите себя, ага – старший брат! А Салим за себя постоит!

Он все реже и реже стал навещать родной очаг, и наконец исчез бесследно!

Осенью двадцатого года погиб и Малай ата. Однажды я выехал в степь, чтобы пригнать скот поближе к аулу. Когда вернулся на следующий день, застал сородичей в трауре.

Женщины, рыдая, рассказывали, как все это произошло. Оказывается, отряд беляков нагрянул в аул неожиданно. Малай ата встретил их. Но они были сытыми и изрядно в подпитии, поэтому не приняли приглашения в юрту. Враждебно настроенные, пригрозили старцу и всем женщинам, что за укрывание красных или сочувствие им сожгут аул. Убедившись, что в юртах нет никого из красных, основательно выматерившись, собирались было уехать.

Но тут пьяный есаул, из местных казаков, станичник, гарцуя на коне, поспорил с царским офицером на бутылку водки. Вот, мол, посмотрите на точность и силу удара рубаки-удальца и оцените остроту казачьей шашки. И он велел старику Малаю бежать в степь. Ежели он, есаул, на полном скаку, догнав его, промахнется, то есть, с одного раза не рассечет надвое, то оставит старика и аул в покое. А если старец не согласится, то просто разрубит на месте и перебьет всех аульчан. Выхода не было, и семидесятидвухлетний Малай ата побежал, как мог, а есаул с гиком поскакал за ним. Догнав в два счета старца, он рубанул острой шашкой со всего размаха. Но старый кочевник, прошедший в молодости немало боев на коне, в момент удара кувыркнулся по земле. Шашка просвистела по воздуху, и раздосадованный станичник еле развернул разгоряченного коня. Беляки заплодировали белобородому старцу и начали подтрунивать над незадачливым есаулом. Все перевели дух с облегчением. Отряд уже отъезжал, и тут неожиданно для всех взбешенный есаул полоснул шашкой по седой голове Малай ата. Хлынула алая кровь, потекла по белой бороде. Старец упал замертво, не издав ни звука. Беляки осуждающе посмотрели на есаула, а тот, пришпорив коня, дико завизжал и понесся вовсю прыть. Женщины с воплем бросились к телу и начали громко оплакивать любимого всеми деда.

Похоронили Малай ата по обычаю наших предков.

Как же нам хотелось отомстить за смерть нашего любимого деда, но не было у нас таких возможностей.

Мы еще некоторое время, пока не завершилась гражданская война, жили в тех краях.

Однажды я собирал лошадей, коров, овец и коз нашего аула посреди койтасов. Вдруг из-за огромных камней выскочили несколько красноармейцев и направили на меня винтовки.

– Стой! Ни с места!

– Руки вверх!

Я был ошарашен и поднял руки. Моя покорность немного успокоила их.

– Так ты за белых или за красных? Бедняк или богач?

– Какой бедняк? – возразил второй. – Столько скота! Да он куркуль настоящий!

– За тех, за кого и вы! – попытался я выкрутиться.

– Ах ты, курва! Калбит окаянный! Мы должны тебя ликвидировать как классового врага!

И они расхохотались.

– Что вам нужно? Моя кровь или скот? – спросил я, пытаясь договориться, и указал на тихо удаляющихся животных. Но их интересовала не это.

– Не обижайся – время обяывает! Ну, выбирай сам свою участь!

Старший из них вытащил из кармана брюк медный пятак и предложил:

– Вот, сейчас брошу монетку вверх. Если выпадет орел, значит, ты ни за кого. Но отпустить тебя не можем. Сам понимаешь, время военное. Кто знает, победишь и приведешь беляков, а? Мы тебя живого-невредимого привяжем к этому камню и оставим. Там пусть судьба решает! Может, подберут сородичи или разорвут волки и шакалы. А если выпадет решка, значит, ты – наш враг! Тогда не обессудь – расстреляем на месте!

Доказывать что-то, тем более спорить, было бесполезно. На душе было спокойно, чувствовал, что пока не пришло мое время. Про себя помолился Всевышнему и призвал на помощь аруахов – духов предков. Старшой демонстративно высоко кинул монетку. Она, красиво сверкнув на солнце, прокрутилась в воздухе и упала на траву. Мы с красноармейцем почти одновременно бросились к ней.

Решка!

Стало страшно.

– Ну, вот, сама судьба вынесла приговор! Мы тут ни при чем! Пошли! – сухо произнес старшой.

Они повели меня в центр койтасов – каменных баранов. Я еле переставлял ноги.

Красноармейцы рассказывали пошлые анекдоты и хохотали вовсю. Самоуверенных строителей новой жизни на обломках старого мира и на костях людских ничуть не волновало, что они ведут человека на смерть.

Вдруг краем глаз заметил, что в нашу сторону едут несколько всадников. «Может, наши? Или беляки?» – промелькнуло в голове. Но в следующий миг понял, что эти тоже красные.

Двое красноармейцев остановились, а двое отвели меня к каменной глыбе и хотели поставить на колени. Но я твердо решил умереть с достоинством, стоя и глядя на своих врагов. Вырвался из их рук, повернулся к ним лицом и поднял голову. Про себя помолился аллаху, прошептал калима – «Ля иляха илля аллах, Мухаммед расул аллах!» и стал ждать смерти.

Но умирать не хотелось, ведь жизнь только начиналась!

Всадники пустились галопом. «Наверное, не хотят упустить такое зрелище!» – подумал я.

Мои палачи переглянулись. Лица их посуровели, и стали они похожи на самых настоящих убийц. Тоненькая надежда на спасение вмиг оборвалась. Красноармейцы злились – стрелять в человека, смотрящего прямо на них, было делом неприятным. Они показывали жестом, мол, отвернись и опустишь на колени. Но я продолжал стоять и смотреть им в глаза.

– Готовсь!

Команда прозвучала сухо и жестко. Трое быстро вскинули ружья и начали целиться. Глядя в отверстия нацеленных на меня стволов, я мысленно простился с белым светом.

И тут прозвучала резкая команда.

– Отставить!

Красноармейцы опустили винтовки и вытянулись в струнку.

Напряжение было столь велико, что я чуть не упал на землю, и только невероятной силой воли удержался на ногах.

Отдал приказ всадник, прибывший первым. Он пристально посмотрел на меня и воскликнул:

– Асан! Асан! Ты же Асанбай, сын Аманжол! – Соскочив с коня, он обнял меня. – Ты че, Асанбай, тамыра не признаешь? Я же сын Майдайкина, Тимофей!

Мы обнялись. Это было спасение.

– Вы что, красноармейцы-комсомольцы? Друзей от врагов не отличаете? Это наш человек! Прошу любить и жаловать! – заявил Майдайкин тоном, не допускающим возражений.

Так неожиданно изменилась моя жизнь. Тимофей Майдайкин, командир Красной Армии, сын тамыра моего отца, не только спас от смерти, но и перетянул на сторону красных.

У меня не оставалось иного выхода – волевое решение железного командира и стечение обстоятельств принудили примкнуть к советской власти.

Майдайкин, со свойственной командиру решимостью, отправил меня на учебу.

– Хватит воевать! Будь реалистом! Настало новое время! И надо дружить с новой властью! – говорил он резко и отрывисто. – Иначе... – Он многозначительно умолк и после паузы продолжил уже более спокойно: – Никому ни слова о своих мечтаниях и душевных волнениях! Советской власти нужны учителя. Вот, иди, учись и просвещай свой народ о справедливости социализма!

Я искренне поблагодарил его за все.

– Это вашему отцу спасибо! Мы помним добро! – Он улыбнулся на прощание. – Учить детей – дело благородное, тамыр! Запомни это на всю жизнь! Мы еще увидимся и будем вместе строить новую жизнь!

По его рекомендации я прошел краткий курс обучения в области и стал учителем. В то время профессия учителя ценилась очень высоко. Детей благословляли старшие: «Будь учителем!» Для нашего народа учителя были просто необходимы. А еще это было мое призвание. Учить детей грамоте и письму, просвещать свой народ было самым благородным делом того времени.

Потихоньку налаживалась мирная жизнь. Старое забывалось, новое манило вперед. И хотя я не очень-то разделял лозунги Советов, деваться было некуда. В эти относительно спокойные годы люди жили, трудились и растили новое советское поколение.

Когда мне исполнилось двадцать пять лет, я женился. Вернее, меня женили. Звали мою жену Халима, она происходила из рода аргын, караул. Наши родители давным-давно, еще когда мне было семь лет, а моя будущая жена еще качалась в колыбели, посватались, и наша судьба была предрешена! Степной закон был суровым, но мудрым. Родители знали друг друга, знали род, происхождение, и по обоюдному согласию решили кровно породниться. Естественно, нас об этом даже не спросили.

Мой отец Аманжол отдал калым – выкуп за невесту полностью – сорок семь голов скота, как того требует обычай кочевников.

До сих пор вспоминается, как прекрасный сон, наше первое свидание с невестой. Было лето, степь расцвела, и аромат буйных трав и нежных цветов щекотали нос, с каждым вдохом наполняя грудь могучей энергетикой дикой природы, а трель птиц и песни кузнечиков ласкали слух. По обычаю, я с несколькими друзьями посетил аул невесты.

Вечером молодежь аула устроили в нашу честь алтыбакан – качели на шести шестах. Мы с Халимой сели на веревочные качели друг против друга, упершись ногами о веревку посередине, и нас стали раскачивать парень и девушка все сильнее и сильнее, а мы пели песни о любви и о верности, о счастливой жизни. Мы взлетали, как нам казалось, аж до луны и спускались так быстро вниз, что дух захватывало и слегка кружилась голова, то ли от качки, то ли от счастья! Когда совсем стемнело, объявили об игре аксуйек – белая кость! Суть игры была такова: заводила бросает ак суйек – белую кость животного как можно дальше. И вся молодежь бросается на поиски этой кости. Но все только делают вид, что ищут кость, а на самом деле это лишь повод для уединения влюбленных! Некоторые парочки иногда ищут белую кость до полуночи!

Мы с Халимой тоже долго искали аксуйек – белую кость, и «заблудились» надолго. Это было наше первое свидание...

А через неделю мы поженились. Шел тысяча девятьсот двадцать пятый год.

Мы тихо, мирно жили в городе Степняке.

Линия истребления

В середине двадцатых годов первым секретарем Краевого комитета коммунистической партии большевиков Казахстана стал Филипп Исаевич Голощекин. Первый секретарь практически был хозяином республики.

В народе ходили слухи, что он еврей, и его зовут на самом деле Шая Ицкович. И еще шептали друг другу на ухо, что он, Филипп Исаевич Голощекин – Шая Ицкович, застрелил русского царя Николая Второго.

Никто не знал, что было у него на уме, когда он приехал в Казахстан и с каким напутствием направляли его из ЦК. Но, взяв власть в свои руки, он совершил в Казахстане одно из самых чудовищных политических преступлений, каких не знала еще мировая история.

Сказывает народ, что приехав в Казахстан, он был крайне удивлен положением дел в республике: в степи паслось много скота, да и народу жилось неплохо. Казалось, что революция и, как итог, разрушения и голод не коснулись этой земли.

Местные политические деятели ему объясняли, что казахи – кочевой народ и испокон веков скот – это их главный источник питания и транспорт! Но первый секретарь крайкома думал иначе. Он считал, что в Советской стране нет кочевников, все теперь стали оседлыми людьми! И жить они должны по-советски! А несколько десятков и даже сотен голов скота на один двор это как-то не по-нашенски, не по-революционному как то... Тут буржуазией пахнет!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.